

Ори 21-24
103

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

И

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XIV.

Подъ редакціей *кн. С. Н. Трубецкою и Л. М. Лопатина.*

Книга II (67).

МАРТЪ — АПРѢЛЬ 1903 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и н^о.
Пименовская ул., соб. домъ.

1903.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Что даетъ современному сознанию философія Вл. Соловьева. С. Булгакова (Окончаніе)	125
Психологія и теорія познанія. Статья вторая. Г. Челпанова	167
Философія Ницше. VI—XI. Кн. Евгенія Трубецкого	190

Современное состояніе социологіи. (Окончаніе). А. Гуревича	159
Идеаль познанія. (Эмпириокритицизмъ и эмпириомонизмъ). А. Богданова	~~168~~ 171
Мечтательная ложь. Ив. Холчева	234
Болѣзнь Н. В. Гоголя. В. Ф. Чижъ	262
Значеніе и судьбы новѣйшаго идеализма въ Россіи. (По поводу книги «Проблемы идеализма»). Н. Рожкова	314

Критика и библиографія.

I. Обзоръ книгъ.

„Проблемы идеализма“. Сборникъ статей. Подъ ред. П. И. Новгородцева. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. Москва, 1902. Ю. Айхенвальда	333
---	-----

	<i>Стр.</i>
Religionsphilosophie. Von Dr. Harald Höffding. Aus dem dänischen Uebersetzt von F. Bendixen—Leipzig. 1901.	
И. Николинъ	356
II. Библиографическій листокъ.	
III. Обзоръ журналовъ.	
Revue Philosophique. 1902 г. №№ 9—12. Zeitschrift für Philosophie und Philosophische Kritik 1902 г. № 3.	
В. Волковичъ и З. Столица	363
Объявленія.	

Идеаль познанія.

(Эмпириокритицизмъ и эмпириомонизмъ.)

Нашъ вѣкъ есть вѣкъ критики по преимуществу. Начиная съ эпохи возрожденія, великое освободительное движеніе чловѣческаго духа шагъ за шагомъ расчищаетъ путь для непрерывнаго, безпрепятственнаго прогресса чловѣческихъ силъ индивидуальныхъ и общественныхъ; въ сферѣ мышленія эта освободительная работа выступаетъ въ формѣ критики, разбивающей безчисленные фетиши, стоящіе на пути познанія, разрывающей безчисленные пути, сковывающія его развитія. Но рѣшительное господство критики начинается съ конца XVIII вѣка. Французская революція сдѣлала критику всепроникающимъ принципомъ общественнаго бытія людей; Кантъ сдѣлалъ ее всепроникающимъ принципомъ мышленія: всякія границы для критики были принципиально устранены, она должна была отнынѣ сама устанавливать свои границы.

Съ тѣхъ поръ критика была лозунгомъ всего прогрессивнаго въ жизни и мышленіи. Подъ ея знаменемъ шли прежде утописты въ своихъ нападеніяхъ на общественный строй, а теперь подъ ея знаменемъ ведется великая классовая борьба. Въ наукѣ сила критики привела къ выработкѣ точныхъ методовъ, въ философіи—къ неуклонному позитивизму.

Конечно, не разъ наступали моменты авторитарной реакціи въ жизни, догматической реакціи въ мышленіи. Но и здѣсь ярко сказывалась сила критики, сказывалась не только въ томъ, что она рано или поздно побѣждала, но также и въ томъ, что реакція большей частью старалась нарядиться въ ея костюмъ, старалась выдать себя за критику. Это стремленіе реакціонныхъ

силъ провозить свою историческую контрабанду подъ флагомъ критики всего лучше доказываетъ то могущество и то уваженіе, которыми пользуется этотъ благородный флагъ во всѣхъ моряхъ и заливахъ бурнаго океана современности.

Чѣмъ же объяснить себѣ такое громадное и, повидимому, все возрастающее жизненное значеніе критики? Оно означаетъ борьбу различныхъ формъ жизни, отживающихъ и нарождающихся, накопленіе силъ, для которыхъ тѣсны сложившіяся рамки, жажду простора и свободы. Какъ мы знаемъ, бывають въ развитіи народовъ эпохи органическія и критическія, эпохи, когда жизнь спокоино течетъ по привычному руслу, медленно расширяясь и углубляясь, не нуждаясь въ новыхъ путяхъ, потому что старыя пока еще ее не стѣсняютъ, и эпохи, когда она бурно стремится черезъ пороги и скалы, прокладывая новыя русла взамѣнъ старыхъ, слишкомъ узкихъ и тѣсныхъ. Тяжелые, поросшіе мхомъ камни катятся и уносятся въ море, рушатся подмытая вѣковыми горы—это критическая работа жизни, и такова та эпоха, въ которую мы живемъ.

Но рѣка течетъ не для того, чтобы сворачивать камни и горы; критика никогда не можетъ быть конечной цѣлью, результатомъ, на которомъ жизнь могла бы остановиться. Удовлетвориться одной критикой не можетъ ни чувство, ни воля людей, ни даже познаніе. Растущая жизнь, накаплиющіяся силы необходимо должны складываться въ новыя формы, должны организоваться въ новыя единства. Дѣло критики дать просторъ для этихъ формъ, помѣшать имъ развиваться уродливо и дисгармонично; но создать ихъ она не можетъ. Критика—это садовникъ, который тщательно расчищаетъ почву для дерева, подстригаетъ лишнія и неправильно растущія вѣтки; но не онъ—причина того, что дерево растетъ и приноситъ роскошные плоды. Жизнь развивается изъ жизни, и сама опредѣляетъ свою цѣль; эта цѣль—творчество, а не критика.

То содержаніе, которое въ наше время ищетъ для себя новыхъ формъ, поистинѣ громадно. Коллективныя силы человечества въ его борьбѣ съ внѣшней природой возросли въ сотни разъ за послѣдніе вѣка, и примѣняются въ безконечно разнообразныхъ направленіяхъ; еще значительнѣе расширилась область научнаго опыта, по отношенію къ которой сфера производства является теперь только небольшой частью; неизмѣримо увели-

чилось богатство идей и міровозрѣній, переплетающихся и сталкивающихся въ современномъ мірѣ. Нужны формы безконечно широкія и прочныя, но и безконечно пластичныя, чтобы охватить и свободно совмѣстить такое содержаніе въ его непрерывномъ развитіи; нужны формы безконечно сложныя и въ то же время безконечно гармоничныя, чтобы въ нихъ безъ противорѣчій уложилось все разнообразіе этой безпредѣльно прогрессирующей жизни. Наше воображеніе не въ силахъ представить себѣ, какъ несравненно величественны должны быть эти новыя формы въ своей грандіозности, несравненно изящны въ своей стройности.

Въ неясныхъ, общихъ контурахъ онѣ уже обрисовываются вдаль. Развивающееся сознаніе смутно ихъ различаетъ, и страстно къ нимъ стремится. Какъ предметъ такого стремленія, онѣ называются идеалами. Идеаль практической жизни въ наше время выступаетъ яснѣе: онъ выражаетъ стремленіе гармонически объединить все человѣчество для борьбы со стихійнымъ міромъ, для непрерывнаго развитія силъ. Не такъ ясенъ идеаль познанія; онъ не для всѣхъ формулированъ въ живомъ, понятномъ, словѣ, его имя чуждо громадному большинству даже тѣхъ, кому близокъ идеаль практической жизни. А между тѣмъ живое, нераздѣльное единство практики и познанія говоритъ намъ, что оба идеала должны быть неразрывно связаны между собою, должны находиться въ строгой гармоніи. Поэтому законна всякая попытка, хотя бы въ такой же общей схемѣ, въ какой представляется намъ идеаль жизни, обрисовать также идеаль познанія.

Ставя себѣ такую задачу, мы уже заранѣе знаемъ, что путь къ ея рѣшенію идетъ черезъ область критики:—не той страстной критики, которая преобразуетъ формы практической жизни, но холодной и строгой критики опыта и отвлеченнаго мышленія.

I.

Если мы стремимся опираться въ своемъ изслѣдованіи на всѣ пріобрѣтенія великой эпохи критики, то исходной точкой его для насъ всего цѣлесообразнѣе взять наиболѣе законченное и строгое выраженіе духа критики въ познавательномъ отношеніи къ дѣйствительности. Такимъ выраженіемъ критической тенденціи для нашего времени представляется намъ *эмпирикритицизмъ*—

критика всего познанія съ точки зрѣнія опыта и критика самаго опыта съ точки зрѣнія его связи и закономерности.

Эмпириокритицизмъ есть современная форма позитивизма, развившаяся на почвѣ новѣйшихъ методовъ естествознанія съ одной стороны, новѣйшихъ формъ философской критики— съ другой. Это философское теченіе нашло себѣ самыхъ видныхъ выразителей въ Эрнстѣ Махѣ и Рихардѣ Авенариусѣ, изъ которыхъ первый формулировалъ его съ особенной ясностью и прозрачностью, второй— съ особенной полнотой и точностью ¹⁾. Оно привлекаетъ къ себѣ все больше сторонниковъ среди молодыхъ представителей науки и философіи какъ на каедрѣ, такъ и внѣ ея; оно оказываетъ все больше вліянія на научное и философское развитіе нашего времени. Эту возрастающую силу и это возрастающее вліяніе признають даже противники эмпириокритицизма.

Излагать сколько-нибудь полно философскія основы эмпириокритицизма намъ не приходится; съ точки зрѣнія нашей задачи достаточно характеризовать самое общее познавательное отношеніе этой школы къ дѣйствительности, къ міру опыта.

Задача познанія, по воззрѣніямъ Маха и Авенариуса, заключается въ томъ, чтобы систематизировать содержаніе опыта, такъ что опытъ является и естественной основой, и естественной границей познанія. По своему объективному значенію, систематизація эта является могучимъ жизненнымъ приспособленіемъ, орудіемъ сохраненія жизни и ея развитія. Взглядъ на познаніе, какъ на приспособленіе, возникшій въ эволюціонномъ мышленіи, конечно, гораздо раньше эмпириокритицизма, въ работахъ этой школы находятъ себѣ самое широкое и всестороннее развитіе, и дѣлается базисомъ послѣдовательной *критики* познанія. «Die Analyse der Empfindungen» Маха и его научно-критическія работы, особенно «die Wärmelehre», съ одной стороны, и «Kritik der reinen Erfahrung» Авенариуса съ другой, даютъ цѣльную и во всемъ существенномъ однородную картину критически-эволюціонной теоріи познанія ²⁾.

1) Самый терминъ «эмпириокритицизмъ» принадлежитъ, собственно, Авенариусу; но онъ хорошо характеризуетъ также воззрѣнія Маха, хотя въ нѣкоторыхъ частностяхъ они и отличаются отъ взглядовъ Авенариуса.

2) Въ развитіи взглядовъ Маха исходной точкой послужилъ философскій *идеализмъ*, тогда какъ для Авенариуса съ самаго начала характерна *реалистиче-*

Но познаніе въ этой картинѣ является не только приспособленіемъ вообще, а также приспособленіемъ *соціальнымъ*. Соціальный генезисъ познанія, его зависимость отъ соціального опыта, принципиальная равноцѣнность мышленія различныхъ людей и его непрерывное соціальное взаимодействіе ярко выступаетъ и сознательно подчеркивается обоими мыслителями. Здѣсь ихъ предшественниками надо признать великихъ основателей историческаго монизма, о которыхъ оба философа врядъ ли имѣли сколько-нибудь ясное понятіе ¹⁾.

Тамъ, гдѣ Махъ обрисовываетъ связь познанія съ соціально-трудовымъ процессомъ, совпаденіе его взглядовъ съ идеями Маркса становится порой прямо поразительнымъ. Въ нѣкоторыхъ философскихъ этюдахъ его «Wärmelehre» мы встрѣчаемъ такія положенія, какъ, напр., слѣдующее: «наука возникла изъ потребностей практической жизни... изъ техники» (стр. 451),— формулировка строго соответствующая принципу историческаго матеріализма. Для насъ это—лишнее доказательство глубокой прогрессивности эмпириокритицизма, какъ теченія, способнаго органически воспринять все наиболѣе жизненное въ его идейной средѣ.

ская окраска. Тѣмъ замѣчательнѣе принципиальное тожество философскихъ выводовъ, къ которымъ совершенно независимо одинъ отъ другого пришли оба эти мыслителя, реформируя теорію познанія на основѣ выработанныхъ научныхъ методовъ. Весьма несущественны разногласія между этими философами носить на себѣ однако явный отпечатокъ различія начальныхъ пунктовъ развитія (особенно это относится къ понятію «элементовъ-ощущеній» у Маха; объ этомъ намъ придется говорить въ дальнѣйшемъ).

Нѣсколько особое положеніе занимаетъ въ ряду основныхъ произведеній эмпириокритицизма «Der menschliche Weltbegriff» Авенариуса (ученіе объ интроспекции); но къ нему мы также еще вернемся.

1) Ближе по времени къ Маху и Авенариусу стоитъ А. Риль, который также признаетъ соціальность познанія и его біологическую роль, какъ приспособленія, но далеко не вполне выдерживаетъ этотъ принципъ въ своемъ анализѣ познанія («Der philosophische Kriticismus», II B. 2 T.). Вообще, за послѣдніе десятки лѣтъ идеи эти встрѣчаются нерѣдко въ философской и соціально-философской литературѣ; развитіе сравнительной филологии немало способствовало ихъ упроченію, выясняя органическую связь мышленія съ рѣчью—соціальной формой общенія (здѣсь особенно Нуаре, Максъ Мюллеръ); но обыкновенно соціально-генетическая точка зрѣнія на мышленіе ни философами, ни учеными не проводится до конца со строгой методологической послѣдовательностью.

Исслѣдуя познаніе, какъ соціальное приспособленіе, эмпириокритицизмъ не находитъ никакого принципиальнаго различія между познаніемъ обыденнымъ, не критическимъ, и познаніемъ научно-философскимъ, критическимъ. И задачи, и методы по существу въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ же, разница только въ степени выработки приспособленій: научными и критическими методами задачи познанія достигаются съ относительно большей полнотой при меньшихъ затратахъ энергіи; эти методы характеризуются *экономизаціей* времени и силъ. Такимъ образомъ, обыденное и неточное познаніе, въ своемъ прогрессивномъ развитіи, стремясь охватить все возрастающее богатство и разнообразіе опыта, необходимо должно переходить шагъ за шагомъ въ критическое и точное. При этомъ познаніе все въ большей мѣрѣ приближается къ *чистому описанію* того, что имѣется въ опытѣ,—разумѣется, къ такому описанію, которое обобщаетъ и систематизируетъ. — Тутъ выступаетъ вопросъ о содержаніи опыта, о его связи и законмѣрности и о жизненномъ значеніи различныхъ частей этого содержанія. Это и есть вопросъ о критикѣ опыта.

Безконечный потокъ опыта, изъ котораго кристаллизуется познаніе, представляетъ въ своемъ цѣломъ не только очень грандіозную, но и очень пеструю картину. Разлагая шагъ за шагомъ это цѣлое, анализъ переходитъ отъ болѣе крупныхъ его частей къ все болѣе и болѣе мелкимъ, и достигаетъ наконецъ нѣкоторой границы, гдѣ разложеніе дальше не удается. Здѣсь лежатъ *элементы* опыта. Что же это за элементы?

Махъ называетъ ихъ «элементами-ощущеніями». Тотъ опытъ, который мы имѣемъ относительно «внѣшняго міра», сводится къ «тѣламъ», какъ сочетаніямъ различныхъ «признаковъ», — мѣста, времени, цвѣта, формы, величины и т. д. Разложеніе этихъ «признаковъ» приводитъ насъ къ элементарнымъ ощущеніямъ пространства, времени, цвѣтовъ, тоновъ, къ ощущеніямъ иннервационнымъ, осязательнымъ, вкусовымъ и т. д. Въ такъ называемомъ «внутреннемъ мірѣ» мы имѣемъ воспріятія, представленія, стремленія, эмоціи. Дальнѣйшій анализъ даетъ здѣсь частью такіе же элементы, какъ для внѣшняго опыта (напр., въ «воспріятіи») какого-нибудь тѣла также пространственныя, цвѣтовыя, иннервационныя, и т. под. ощущенія), частью, кромѣ того, элементы воле-

вые, эмоциональные ¹⁾... Собственно, только по отношенію къ «психическому» міру элементы можно съ полнымъ правомъ называть «ощущеніями», потому что «ощущеніе»—терминъ психологическій, который неудобно примѣнять къ физической области опыта ²⁾; но въ высшей степени важно, что одни и тѣ же элементы могутъ принадлежать «тѣламъ», какъ ихъ «признаки» («красное», «зеленое», «холодное», «горячее», «твердое», и т. д.) и входить въ составъ «воспріятій» и «представленій», какъ собственно «ощущенія» (ощущеніе краснаго, зеленаго, холоднаго, и т. д.). «Красное» въ тѣлахъ и «ощущеніе краснаго» въ ихъ воспріятіи суть *тождественные* элементы опыта, которые мы только различно обозначаемъ.

Тѣла—это комплексы такихъ же элементовъ, какіе въ «воспріятіяхъ» мы называемъ «ощущеніями». Положеніе чрезвычайно важное, на которомъ слѣдуетъ остановиться.

Человѣческій организмъ существуетъ для насъ, какъ тѣло въ ряду другихъ тѣлъ. Изъ какихъ же элементовъ опыта складывается это тѣло? Прежде всего мы имѣемъ рядъ элементовъ, воспринимаемыхъ, при помощи зрѣнія, рядъ элементовъ цвѣта и пространства (формы). Затѣмъ рядъ совершенно иныхъ элементовъ,

1) Авенариусъ различаетъ „элементы“ и „характеры“, при чемъ подъ „элементами“ подразумѣваетъ цвѣта, тоны, твердое и мягкое, сладкое и горькое и т. под., а подъ „характерами“—окраску удовольствія и страданія, красоты и безобразія, реальности и кажущагося, ясности и смутности и т. д. Для нашихъ цѣлей это различіе не существенно, и потому мы въ изложеніи предпочитаемъ слѣдовать Маху.

2) Это различіе Махъ самъ не разъ отмѣчаетъ для того, чтобы устранить возможность идеалистическаго истолкованія своихъ взглядовъ. Его русскій переводчикъ (Энгельмейеръ, Очерки по теоріи познанія Э. Маха, 1901, изд. Маноцковой) нѣсколько погрѣшаетъ тѣмъ, что мало обращаетъ вниманія на эту сторону дѣла; передавая взгляды Маха, онъ доходитъ даже до такихъ формулировокъ, какъ слѣдующая: „наши ощущенія не производныя міра, а мы произвели міръ изъ нашихъ ощущеній“ (Введеніе, стр. 17). Махъ на эту формулировку никогда бы не согласился. Онъ указалъ бы, во-1), что элементы только тогда правильно называть ощущеніями, когда мы говоримъ о нихъ съ психологической точки зрѣнія, а по отношенію къ «физическому» міру этотъ терминъ недопустимъ; и во-2), что элементы не то, изъ чего мы произвели міръ, а *продуктъ познавательнаго разложенія* опыта, такъ что опытъ въ цѣломъ, по отношенію къ нимъ, *первичное*, а не вторичное. Можетъ быть, удастся и дальнѣйшее разложеніе теперешнихъ „элементовъ“—они, вѣдь, не атомы; тогда они смѣнятся элементами болѣе простыми, но еще болѣе „производными“, въ смыслѣ длины того пути, по которому познаніе дойдетъ до нихъ.

воспринимаемыхъ при помощи чувства давленія и чувства температуры: элементы формы и пространства, какіе даются намъ ошупываніемъ тѣла, элементы тепла и охлажденія, выступающіе рядомъ съ ними, и т. д. Далѣе рядъ элементовъ, доступныхъ слуху—тоны и шумы, изъ которыхъ слагается рѣчь, пѣніе, плачь, смѣхъ, и т. под... Всѣ эти ряды совершенно различны по своему матеріалу—*качественно разнородны*, и однако всѣ они объединяются въ одинъ комплексъ, обозначаемый словомъ «человѣкъ». Рядъ зрительный—элементы цвѣта и видимой формы—немыслимо даже и сравнивать въ его непосредственности съ рядомъ тактильнымъ—элементами осязаемой формы, твердости, тепла,—или съ рядомъ акустическимъ—тонами и шумами; немыслимо сравнивать въ этомъ смыслѣ даже отдѣльные элементы одного ряда между собою, напр., «красное» съ «зеленымъ». Но «тѣло» есть нѣчто единое. Что же даетъ ему это единство? Устойчивая связь частей комплекса.

Эта устойчивая связь въ нашемъ опытѣ далеко не безусловна. Въ массѣ случаевъ мы только видимъ проходящихъ мимо людей, но не слышимъ и не осязаемъ: данъ зрительный рядъ, остальные не даны, и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами «тѣла», «люди». Въ другихъ случаяхъ мы только слышимъ или только осязаемъ, или видимъ и слышимъ и т. д. Но отдѣльные ряды прочно ассоціированы между собою—изъ опыта мы знаемъ, что если видимъ человѣка, то достаточно намъ подойти и потрогать его, чтобы также осязать и, вѣроятно, также слышать. Изъ каждаго ряда можетъ оставаться лишь незначительная часть элементовъ, и однако весь комплексъ, все «тѣло» вступаетъ въ сферу нашего опыта: мы можемъ видѣть одинъ палецъ человѣка, или осязать только его руку, или слышать только походку, — и однако мы не сомнѣваемся, что передъ нами человѣкъ. Если дѣло идетъ о данномъ человѣкѣ — г-нѣ А., то весь составъ комплекса можетъ сильно измѣниться, напр., будетъ надѣтъ новый костюмъ, цвѣтъ лица и фигура пострадаютъ отъ болѣзни, голосъ охрипнетъ и т. д.; однако мы будемъ признавать то же лицо, тотъ же комплексъ. Вообще, относительная устойчивость комплекса элементовъ достаточна, чтобы сдѣлать изъ него «тѣло» ¹⁾.

¹⁾ Изъ этой относительности возникаетъ самое абсолютное въ философіи, «субстанція», или «вещь въ себѣ». Каждой данной части комплекса можетъ

Для насъ очень важна одна сторона дѣла, на которой не останавливаются ни Махъ, ни Авенариусъ. Рядъ зрительный, рядъ тактильный, рядъ акустическій, входящіе въ составъ одного «тѣла», качественно различаются по своимъ элементамъ, совершенно несравнимы съ точки зрѣнія матеріала—сравните, напр., красное съ твердымъ или съ горькимъ,—и однако они выступаютъ въ неразрывной связи. Отчего они не образуютъ для познанія самостоятельныхъ комплексовъ? Развѣ познаніе не стремится соединять однородное, и разъединять разнородное? Почему же нашъ опытъ складывается въ такіе неоднородные по составу комплексы? Отвѣтъ на эти вопросы получается очень легко, если мы остановимся на основномъ фактѣ опыта—на *параллелизмѣ рядовъ*, образующихъ тѣла.

Если мы одновременно видимъ человѣка, слышимъ его и осязаемъ его тѣло, то *взаимныя отношенія* элементовъ во всѣхъ трехъ рядахъ опыта находятся въ извѣстномъ соотвѣтствіи между собою. Измѣненіямъ въ зрительномъ ряду соотвѣтствуютъ опредѣленные измѣненія въ тактильномъ ряду, и наоборотъ. Когда мы видимъ, что человѣкъ поднялъ руку (измѣненіе въ комбинаціи цвѣтовыхъ и пространственныхъ элементовъ), то мы, если желаемъ, всегда можемъ одновременно ощутить это и при помощи осязанія (измѣненіе въ комбинаціи тактильныхъ элементовъ); отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленной связи, которая не можетъ быть замѣнена другою. Если мы видимъ опредѣленные движенія губъ и грудной клѣтки, то мы, обыкновенно, слышимъ опредѣленные звуки рѣчи; и опять-таки отношенія тѣхъ и другихъ элементовъ измѣняются въ опредѣленномъ взаимномъ соотвѣтствіи. Предположимъ, что вы имѣете зрительный рядъ элементовъ, но тактильнаго совѣмъ нѣтъ, и не можете получить, т.-е. вы видите человѣка, но при

не хватать въ нашемъ опытѣ въ данный моментъ, и однако мы признаемъ „вещь“ за *то же самое*, чѣмъ является для насъ цѣлый комплексъ. Не значитъ ли это, что можно откинуть всѣ «элементы», всѣ «признаки» вещи, и все-таки она останется уже не какъ явленіе, а какъ „субстанція“? Конечно, это старая логическая ошибка: каждый волосъ въ отдѣльности можно вырвать и человѣкъ не станетъ лысымъ; но если ихъ вырвать всѣ вмѣстѣ, человѣкъ будетъ лысый; таковъ и процессъ, которымъ создается „субстанція“, которую Гегель недаромъ называлъ „*caruit mortuum абстракціи*“. Если откинуть всѣ элементы комплекса, то комплекса не будетъ; останется только обозначающее его *слово*. Слово—это и есть «вещь въ себѣ».

его ошупываніи не получаете никакихъ осязательныхъ ощущеній—ни сопротивленія, ни тепла; въ такомъ случаѣ это вовсе не чело-вѣкъ, а привидѣніе, или какая-нибудь оптическая иллюзія. Вы слышите рѣчь чело-вѣка, но, несмотря на наличность всѣхъ обычныхъ условій для воспріятія соотвѣтственнаго зрительнаго ряда, не получаете его, или получаете рядъ съ совершенно иными отношеніями; въ такомъ случаѣ это опять-таки не чело-вѣкъ, а галлюцинація слуха или, можетъ быть, фонографъ. Тамъ, гдѣ нарушается обычный параллелизмъ такихъ-то данныхъ рядовъ, тамъ устраняется и признаніе въ опытѣ обычно воспри-нимаемаго такого-то даннаго «тѣла», и выступаетъ необходи-мость иначе объединить факты опыта, признать не то «тѣло», какъ обыкновенно, а другое, или совсѣмъ отрицать наличность «тѣла».

Параллелизмъ разнородныхъ рядовъ опыта, объединенныхъ въ одно «тѣло», даетъ этимъ рядамъ нѣкоторую однородность; но это однородность *отношеній*, а не элементовъ. Именно эта одно-родность отношеній, наблюдаемая для различныхъ рядовъ опыта, и есть ближайшая основа единства *тѣла*. Пространственное и временное единство тѣла суть лишь опредѣленные формы этой однородности отношеній, этого параллелизма рядовъ: простран-ство, напр., зрительное координируется съ пространствомъ до-ступнымъ осязанію именно въ силу параллелизма между рядами элементовъ; а единство времени есть прямо другое названіе для параллельнаго теченія всѣхъ этихъ рядовъ среди общаго потока непосредственныхъ переживаній.

Замѣтимъ, что одинъ изъ этихъ рядовъ обыкновенно играетъ въ комплексѣ особую—*организующую* роль. Когда мы представ-ляемъ себѣ чело-вѣческое тѣло, то оно является намъ *по пре-имуществу* какъ осязаемый, или *по преимуществу* какъ видимый предметъ, т.-е. въ основу комплекса ложится одинъ рядъ, по большей части, именно тактильный (рѣже зрительный); а другіе ряды объединяются около него, какъ центральной части км-плекса. Нетрудно понять, чѣмъ обуславливается такая особен-ная роль тактильнаго ряда: она связана съ его особеннымъ зна-ченіемъ—значеніемъ въ біологической борьбѣ. Обыкновенно, только при наличности тактильнаго ряда предметы могутъ ока-зываться серьезно полезными или серьезно вредными для жизни: всѣ объекты «производства» въ смыслѣ экономистовъ—матеріалы

труда, орудія, предметы потребленія—представляютъ «осязаемыя» предметы; тѣла, лишенная тактильнаго ряда, напр., тѣни, отраженія, облака, являются жизненно-неважными (по крайней мѣрѣ, непосредственно неважными; косвенно и они могутъ пріобрѣтать большое значеніе, какъ, положимъ, дождевыя облака). Кромѣ того, немалое значеніе имѣетъ тѣсно связанная съ этой біологической ролью большая полнота и опредѣленность тактильнаго ряда (при ощупываніи предметовъ); однако въ этомъ отношеніи онъ скорѣе уступаетъ зрительному ряду, который и выступаетъ какъ рядъ организующій, вмѣсто тактильнаго, когда этого послѣдняго не имѣется, а иногда даже и при его наличности.

Замѣтимъ мимоходомъ, что вся матеріалистическая метафизика основана на своеобразной фетишизаціи тактильнаго ряда, на приписываніи ему совершенно исключительнаго значенія (матерія—это и есть *осязаемое* или, по крайней мѣрѣ, то, что при достаточной величинѣ было бы осязаемымъ, какъ, напр., матеріальные атомы).

Возвратимся теперь къ изложенію взглядовъ Маха. Какъ было уже указано, одни и тѣ же элементы могутъ входить въ составъ «физическихъ тѣлъ» и въ составъ «психическихъ процессовъ». Если «тѣло», называемое человѣческимъ организмомъ, есть комплексъ такихъ-то цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и другихъ элементовъ, то *воспріятіе* этого тѣла—изъ какихъ элементовъ оно слагается? Да очевидно, изъ тѣхъ же самыхъ цвѣтовыхъ, пространственныхъ, тактильныхъ и т. д.; только здѣсь эти же элементы называются «ощущеніями». Изъ тѣхъ же элементовъ слагается и «представленіе» тѣла, когда тѣла нѣтъ въ непосредственномъ воспріятіи. Но какая же разница между «тѣломъ» и «воспріятіемъ тѣла», или его «представленіемъ»? Вѣдь это, несомнѣнно, далеко не одно и то же съ точки зрѣнія нашего опыта.

Тѣло въ ряду другихъ тѣлъ принадлежитъ къ опредѣленной системѣ вещей, которая характеризуется опредѣленными отношеніями, и называется «физическимъ» или «внѣшнимъ» міромъ. Воспріятіе или представленіе тѣла принадлежитъ къ другой системѣ, въ которой отношенія иныя, и которая называется «психическимъ» или «внутреннимъ» міромъ. Вопросъ, слѣдовательно, сводится къ различію двухъ областей опыта — физической и психической, «внѣшней» и «внутренней».

Въ мірѣ физическомъ комплексы—тѣла характеризуются известной устойчивой закономерностью своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній. Передъ вами столъ; ваше воспріятіе стола мѣняется съ каждой перемѣной положенія вашей головы: оно исчезаетъ, если вы отвернетесь или уйдете; но столъ, какъ тѣло, не измѣняется при этомъ и остается на своемъ мѣстѣ. Представленіе стола вы можете произвольно, однимъ усиленіемъ вниманія, вызвать и фиксировать въ ряду другихъ представленій въ самыхъ различныхъ ассоціаціяхъ образовъ; но вы не можете такъ же произвольно, однимъ актомъ воли, достигнуть того, чтобы столъ возникъ въ ряду другихъ тѣлъ или выступилъ въ новомъ соотношеніи съ ними. Связь явленій въ обоихъ случаяхъ различна: въ физическомъ мірѣ она имѣетъ гораздо болѣе опредѣленный характеръ, чуждый всякого произвола, *независимый отъ случайно измѣняющихся состояній нашего организма*; въ мірѣ психическомъ явленія выступаютъ *въ опредѣленной зависимости именно отъ состояній организма*, ближайшимъ образомъ отъ нервной системы.

Воспріятія получаютъ тогда, когда возбужденіе различныхъ органовъ чувствъ передается центральному нервному аппарату, и измѣняются сообразно съ формой этого возбужденія съ одной стороны, состояніемъ нервныхъ проводниковъ и нервныхъ клѣтокъ съ другой. Перерѣжьте два оптическихъ нерва, и весь міръ зрительныхъ воспріятій исчезнетъ для данной психики; или отравите нервную систему сантониномъ, и всѣ предметы будутъ восприниматься въ иной окраскѣ, чѣмъ прежде. Подвергнете организмъ дѣйствию хорошей дозы наркотическаго яда, и исчезнутъ не только воспріятія, но и представленія, даже эмоціи и стремленія. Нарушите питаніе коры головного мозга, и весь психическій міръ окажется спутаннымъ, разстроеннымъ; всѣ его отношенія рѣзко измѣнятся. А физической міръ, несмотря ни на что, остается попрежнему.

Всѣ такія сопоставленія—ихъ можно дѣлать безъ конца—приводятъ къ слѣдующей формулировкѣ: поскольку данныя опыта выступаютъ *въ зависимости отъ состояній данной нервной системы*, постольку они образуютъ *психическій міръ* данной личности; поскольку данныя опыта берутся *внѣ такой зависимости*, постольку передъ нами *физическій міръ*. Поэтому Авенаріусъ обозначаетъ эти двѣ области опыта, какъ *зависимый рядъ* и *независимый рядъ* опыта.

Для пониманія реального различія обоихъ рядовъ опыта особенно важны тѣ промежуточные случаи, гдѣ происходитъ ихъ временное смѣшеніе. Свои образы сновидѣній, свои галлюцинаціи человѣкъ относитъ сначала къ внѣшнему міру; но послѣдующій опытъ убѣждаетъ его, что эти явленія зависѣли всецѣло отъ особаго, преходящаго состоянія его нервной системы, и тогда онъ относитъ ихъ уже къ психическому міру. Если человѣкъ не настолько образованъ, чтобы установить эту форму зависимости, какъ это часто бываетъ у неразвитыхъ людей по отношенію къ галлюцинаціямъ, то явленіе, несмотря на всю свою неустойчивость, будетъ отнесено къ «внѣшнему» міру—галлюцинація будетъ понята, какъ «привидѣніе» или «духъ», вообще, какъ *thing*, хотя и съ особенными свойствами (слово «духъ» не должно вводить здѣсь въ заблужденіе, «духъ» фетишиста есть отнюдь не психическое въ научномъ смыслѣ).

Кромѣ тѣхъ комплексовъ, которые одинаково могутъ выступать и въ физическомъ ряду, какъ тѣла, и въ психическомъ, какъ воспріятія или представленія, существуютъ еще комплексы иного рода, принадлежащіе всецѣло къ психическому міру, и никогда не относимые нами къ физической области опыта. Это комплексы эмоціональные и волевые: чувства, аффекты, стремленія, и т. под. Радость, гнѣвъ, желаніе, любовь, никогда не представляются намъ «тѣлами», а всегда только психическими процессами. Между тѣмъ такого рода комплексы бываютъ иногда чрезвычайно устойчивы—много устойчивѣе иныхъ мимолетныхъ явленій физического міра. Мало того, той же исключительной «психичностью» отличается комплексъ наиболѣе устойчивый въ ряду нашихъ переживаній, тотъ, который мы обозначаемъ словомъ «я». Какъ понять эту особенную группу переживаній?

Спеціально-психическій характеръ всей группы опредѣляется тѣмъ фактомъ, что она стоитъ въ особенной, непосредственной зависимости отъ состояній данной нервной системы, и не можетъ быть представлена внѣ этой зависимости, въ той законѣрной связи, которая характеризуетъ физическую сферу опыта. Отсюда легко возникаетъ стремленіе рѣзко выдѣлить спеціально-психическій рядъ изъ общей системы опыта, отдѣлить его, какъ нѣчто самостоятельное, отъ всѣхъ психо-физическихъ переживаній. Но такой взглядъ нельзя было бы признать правильнымъ.

Комплексы эмоціональные, волевые, и комплексъ «я» разла-

гаются анализомъ на элементы, и эти элементы *однородны* съ тѣми, которые выступаютъ во всякихъ иныхъ, психо-физическихъ сочетаніяхъ. Такъ, въ эмоціяхъ, согласно экспериментальнымъ изслѣдованіямъ, если даже не принимать обобщающей теории Джемса и Ланге, несомнѣнно играютъ большую роль элементы иннервационные и тактильные, элементы, которые въ другихъ сочетаніяхъ входятъ въ составъ «воспріятій» и въ составъ «тѣль». Точно также волевые комплексы представляютъ изъ себя сложныя комбинаціи различныхъ элементовъ съ опредѣленными «характерами» (по терминологіи Авенаріуса); особенное значеніе имѣютъ здѣсь иннервационные элементы ¹⁾. Что же касается «я», то это сложнѣйшій комплексъ жизненно важныхъ комбинацій, по преимуществу эмоціональныхъ и волевыхъ, вообще тѣхъ, которыя стоятъ въ наиболѣе тѣсной связи съ самосохраненіемъ организма ²⁾. Такимъ образомъ, по своимъ *элементамъ*, по своему *материалу*, и специально-психическіе комплексы не отличаются отъ другихъ группировокъ въ сферѣ опыта, не отличаются отъ психическихъ-физическихъ комбинацій.

II.

Мы обрисовали, насколько это требуется для поставленной нами задачи, самое общее отношеніе эмпириокритицизма къ дѣйствительности, какъ системѣ опыта. Передъ нами выступило міровоззрѣніе, съ одной стороны—глубоко обоснованное на приобрѣтеніяхъ современной науки, съ другой стороны—очень увлекательное по своей простотѣ и ясности. Оно съ трудомъ укладывается въ рамки обычныхъ философскихъ опредѣленій. Оно рѣзко отличается отъ наивнаго реализма своимъ глубоко аналитическимъ и строго критическимъ отношеніемъ ко всему содержанию опыта. Но не менѣе далеко отстоитъ оно и отъ всякаго идеализма: отъ трансцендентнаго — тѣмъ, что не признаетъ никакой высшей, сверхчувственной реальности идей, а считаетъ

¹⁾ См. R. Avenarius, «Kritik der reinen Erfahrung», II, 206 и слѣд. стр., а также прим. 54. См. также G. Simmel, „Skizze einer Willenstheorie“, Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane, 1895 г. — иннервационная теорія воли.

²⁾ См. R. Avenarius, „Kr. d. r. Erf.“, II стр. 355, и стр. 275 (о „доминантѣ“); также E. Mach, „Analyse der Empf.“, стр. 13—20 (3-е изд., 1902).

всякую мыслимую идею продуктомъ усложненія и обработки опыта, отъ имманентнаго — тѣмъ, что дѣйствительность, опытъ оно отнюдь не укладываетъ всецѣло въ рамки психическаго, въ рамки «представленія», но въ этомъ «психическомъ» признаетъ только одну, ограниченную область опыта. Эмпириокритицизму нѣтъ также дѣла ни до матеріализма, ни до спиритуализма, ни до какой метафизики вообще: и матерія, и духъ для него только комплексы элементовъ, а всякая «сущность» и всякое сверхъ-опытное познаніе—термины безъ содержанія, пустыя абстракціи. Если мы назовемъ это міровоззрѣніе критическимъ, эволюціоннымъ, соціологически окрашеннымъ позитивизмомъ, то мы сразу укажемъ тѣ главныя теченія философской мысли, которыя слились въ немъ въ одинъ потокъ.

Разлагая все физическое и психическое на тождественные элементы, эмпириокритицизмъ не допускаетъ возможности какого бы то ни было дуализма. Но здѣсь и возникаетъ новый критическій вопросъ: дуализмъ опровергнуть, устранить, а достигнуть ли монизмъ? Освобождаетъ ли въ дѣйствительности точка зрѣнія Маха и Авенариуса все наше мышленіе отъ его дуалистическаго характера? На этотъ вопросъ мы принуждены отвѣтить отрицательно.

Критика опыта сдѣлала дуализмъ невозможнымъ, — и все же онъ остался, только принявъ новую форму. Опытъ единъ по своему матеріалу — *но почему же въ немъ двѣ закономерности?* Связь физическаго и связь психическаго ряда принципиально различны, не сводимы одна на другую, и не допускаютъ объединенія въ какой-нибудь третьей, высшей закономерности ¹⁾. Это не дуализмъ реальности, а дуализмъ *способа познанія*, и Авенариусъ полагаетъ, что «*diese Dualität ist kein Dualismus*» (эта двойственность—не дуализмъ). Но такую точку зрѣнія трудно признать правильной, какъ бы ни была она успокоительна.

Дѣло въ томъ, что принципиально различныя, несводимыя къ единству закономерности для цѣльности и стройности познанія немногимъ только лучше принципиально различныхъ, несводимыхъ къ единству реальностей. Когда область опыта разбивается

---

¹⁾ Можно, конечно, объединить ту и другую въ обобщающей ихъ абстракціи,—но это будетъ лишь безсодержательное понятіе о связи вообще, неспособное органически объединить двѣ основныя формы закономерности опыта.

на два ряда, съ которыми познаніе принуждено оперировать совершенно различно, то познаніе не можетъ чувствовать себя единымъ и гармоничнымъ. Неминуемо возникаетъ рядъ вопросовъ, направленныхъ къ устраненію двойственности, къ ея замѣнѣ высшимъ единствомъ. Почему въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта возможны двѣ принципиально различныхъ закономерности? И почему ихъ именно двѣ? Почему зависимый рядъ, «психическое», находится въ тѣсномъ, функціональномъ соотношеніи именно съ нервной системой, а не другимъ какимъ-либо «тѣломъ», и почему нѣтъ въ опытѣ безчисленнаго множества зависимыхъ рядовъ, связанныхъ съ «тѣлами» другихъ типовъ? Почему одни комплексы элементовъ выступаютъ въ обоихъ рядахъ опыта—и какъ «тѣла», и какъ «представленія», а другіе никогда не бываютъ тѣлами, и принадлежатъ всегда къ одному ряду и т. д.?

Эмпиріокритицистъ будетъ, конечно, правъ съ своей точки зрѣнія, отвергая самую постановку этихъ вопросовъ: дѣло познанія—описать то, что имѣется въ опытѣ, и если въ немъ есть двойственность, то это надо констатировать, а незачѣмъ спрашивать «почему»? Но вопросъ «почему» выражаетъ въ данномъ случаѣ несомнѣнную, вполне реальную потребность въ описаніи дѣйствительно гармоничномъ, логически единомъ,—потребность, которую въ общемъ критика опыта признаетъ вполне законною; и отрицаніе вопроса оставляетъ эту потребность совершенно неудовлетворенною.

Между «двойственностью» и «дуализмомъ» въ познаніи нѣтъ никакой рѣзкой границы: двойственность становится дуализмомъ по мѣрѣ того, какъ выступаетъ интенсивнѣе стремленіе къ гармоніи познанія, къ его единству, по мѣрѣ того, какъ развивающаяся психика становится чувствительнѣе къ всякому раздвоенію, а элементы обѣихъ сторонъ двойственности все чаще одновременно выступаютъ въ сознаніи, порождая накапливающееся чувство противорѣчія. Для Спинозы двойственность познаваемыхъ атрибутовъ единой субстанции, мышленія и протяженія, совсѣмъ не противорѣчила монизму системы; но для насъ, людей XX вѣка, она уже несомнѣнный дуализмъ. То же должно стать и со всякой принципиальной двойственностью способовъ познанія.

Вотъ почему наше стремленіе къ идеалу познанія необходимо ставитъ задачу—преодолѣть эту двойственность.

III.

Разсмотримъ нѣсколько ближе и внимательнѣе отношеніе двухъ рядовъ опыта — физическаго и психическаго. Намъ надо какъ можно точнѣе *характеризовать* ихъ различія и, если окажется возможнымъ, выяснить *генезисъ* этихъ различій. Вопросъ о генезисѣ можетъ показаться здѣсь несообразнымъ; но постараемся отдѣлаться отъ всякаго предвзятаго сужденія о немъ и посмотримъ, не приводитъ ли къ этому вопросу строго критическій анализъ самыхъ различій.

Постоянная характеристика всего «физическаго» — это его *объективность*. Никто не можетъ представить себѣ физическаго тѣла или процесса, которые можно было бы обозначить, какъ нѣчто «субъективное». Здѣсь нѣтъ никакихъ исключеній. Но что значитъ «объективное»?

Первый, представляющійся наиболѣе простымъ отвѣтъ на этотъ вопросъ былъ бы такой: объективнымъ мы называемъ то, что прочно и устойчиво въ нашемъ опытѣ. Но подобный взглядъ необходимо сразу отвергнуть. Въ физическомъ мірѣ наблюдаются крайне мимолетныя, почти неуловимыя событія, и это не лишаетъ ихъ характеристики «объективнаго». Наоборотъ, въ психическомъ мірѣ встрѣчаются крайне прочныя и устойчивыя, постоянно возвращающіяся комбинаціи, къ которымъ эта характеристика безусловно не подходитъ. Форма даннаго облака въ данный моментъ есть нѣчто вполне объективное, хотя черезъ $\frac{1}{10}$ секунды она будетъ уже совсѣмъ не та; наоборотъ, воспріятіе солнечнаго движенія по небесному своду — чрезвычайно устойчивая, часто повторяющаяся психическая комбинація, и однако мы не можемъ признать этого движенія за объективный фактъ. Очевидно, надо искать иного опредѣленія.

Можно стать на такую точку зрѣнія: объективно для насъ въ явленіяхъ то, на чемъ мы можемъ съ успѣхомъ основываться въ своей дѣятельности, то, что не приводитъ насъ къ практическимъ противорѣчіямъ. Физическія тѣла съ ихъ свойствами представляютъ нѣчто объективное потому, что мы, принимая эти тѣла за реальности и пользуясь ихъ выясненными свойствами, не приходимъ къ противорѣчіямъ съ самими собой. Это, въ сущности, модификація предыдущаго взгляда, только захватывающая опытъ въ болѣе широкихъ рамкахъ. Но и она должна быть

отвергнута, и именно постольку, поскольку она относится къ индивидуальному, а не коллективному опыту. Отдѣльное лицо въ теченіе всей своей жизни нерѣдко исходитъ практически изъ весьма субъективныхъ воззрѣній, но, благодаря узости рамокъ своего опыта, не приходитъ къ ощутительнымъ противорѣчіямъ. Крестьянинъ, не выѣзжающій изъ деревни, можетъ всю жизнь считать землю плоскимъ кругомъ, небо — голубымъ хрустальнымъ сводомъ, а солнце — блестящимъ кружкомъ, ежедневно проходящимъ по этому своду; и гармонія его практической жизни нисколько не пострадаетъ; однако, объективны ли эти данныя его опыта? Еще больше могутъ уяснить вопросъ нѣкоторые патологическіе случаи. Встрѣчаются параноики, которые до конца остаются въ своемъ собственномъ, нереальномъ мірѣ, съ несуществующими людьми, обыкновенно ихъ преслѣдующими. Считаясь съ этими личностями, ведя борьбу противъ нихъ, параноикъ иногда, именно при высоко систематизированномъ бредѣ, не приходитъ ни къ какимъ познавательнымъ противорѣчіямъ въ своемъ опытѣ; но попробуй онъ (что, конечно, едва ли возможно) хоть на короткое время отнестись къ своимъ врагамъ объективно въ нашемъ смыслѣ, т.-е. признать ихъ не реальными, не принимать мѣръ противъ ихъ злоумышленій, и очень скоро новыя репрессіи съ ихъ стороны привели бы его къ практическому противорѣчію. Здѣсь въ личномъ опытѣ «объективное» не можетъ служить надежной основой для практики, а «субъективное» можетъ ¹⁾.

Мы приходимъ къ такому выводу: характеристика «объективности» вообще не можетъ имѣть своей основой индивидуальный опытъ—ни устойчивость его сочетаній, ни гармонию результатовъ дѣятельности съ ея исходными данными опыта. Основа «объективности» должна лежать въ сферѣ коллективнаго опыта.

Объективными мы называемъ тѣ данныя опыта, которыя имѣютъ одинаковое жизненное значеніе для насъ и для другихъ людей, тѣ данныя, на которыхъ не только мы безъ противорѣчія строимъ свою дѣятельность, но на которыхъ должны, по наше-

---

¹⁾ Прекрасный случай этого рода цитированъ у С. Корсакова („Курсъ психіатріи“, т. I, стр. 198 и слѣд.)—систематизированный бредъ съ детальнымъ описаніемъ членовъ преступнаго тайнаго общества, которое преслѣдуетъ больного, ихъ наружности, манеръ и характеровъ. Вся жизнь больного сводилась къ различнымъ отношеніямъ съ этими несуществующими людьми.

му убѣжденію, основываться и другіе люди, чтобы не придти къ противорѣчію. Объективный характеръ физическаго міра заключается въ томъ, что онъ существуетъ не для меня лично, а для всѣхъ, и для всѣхъ имѣетъ опредѣленное значеніе, по моему убѣжденію, такое же, какъ для меня. Объективность физическаго ряда—это его *общезначимость* ¹⁾. «Субъективное» же въ опытѣ,—это то, что не обладаетъ общезначимостью, что имѣетъ значеніе лишь для одного или нѣсколькихъ индивидуумовъ.

Эта точка зрѣнія не заключаетъ въ себѣ ничего новаго; она является общераспространенною и принимается очень различными философскими доктринами. Но если ее понять послѣдовательно-генетически, то она представится намъ въ новомъ освѣщеніи.

Общезначимость есть не что иное, какъ *согласованность* опыта различныхъ людей, *взаимное соотвѣтствіе* ихъ переживаній. Откуда же берется эта согласованность, это взаимное соотвѣтствіе? Слѣдуетъ ли считать ее «предустановленной гармоніей» или же результатомъ развитія?

Данныя для отвѣта мы можемъ найти въ развитіи формъ пространства и времени.

IV.

Въ ученіи о пространствѣ необходимо строго различать пространство чувственнаго воспріятія и абстрактное пространство—*Sehraum* и *Raumbegriff* Геринга, физиологическое и геометрическое пространство Маха. Хотя ихъ связь неразрывна, но въ системѣ опыта ихъ роль различна.

Физиологическое пространство есть то, которое нашъ непосредственный опытъ даетъ намъ съ одной стороны въ актѣ зрѣнія, съ другой стороны—въ актѣ осязанія: то, которое мы прямо воспринимаемъ въ видѣ оптическаго и тактильнаго ряда элементовъ. Абстрактное пространство—это пространство нашего мышленія, всеобъемлющее, не связанное ни съ какимъ частнымъ воспріятіемъ, пространство, представляемое нами, какъ «всеобщая» и «чистая» форма созерцанія. Свойства того и другого во многомъ очень различны.

¹⁾ Въ нашей литературѣ чаще употребляютъ терминъ «общеобязательность»—менѣе точный, такъ какъ онъ заключаетъ въ себѣ излишній нормативный отѣнокъ.

Физиологическое пространство не обладает ни однородностью, ни непрерывностью, ни постоянством отношеній; точнѣе—оно обладаетъ всѣмъ этимъ лишь отчасти. Въ различныхъ его частяхъ вещи представляются неодинаковыми: одна и та же вещь становится больше или меньше — смотря по разстоянію, такой или иной формы — смотря по положенію относительно глаза. Находясь близко, предметы являются рельефными, вдали они теряютъ рельефъ, становятся плоскими, на извѣстномъ предѣлѣ — исчезаютъ. Это относится къ пространству глаза; пространство осязанія болѣе устойчиво, но въ общемъ оно сходно съ первымъ. Въ немъ величина и форма предметовъ также измѣняются въ зависимости отъ условій прикосновенія: то или иное положеніе рукъ при ощупываніи, вообще прикосновеніе тѣми или иными частями тактильной поверхности, а также обычное или необычное состояніе этой поверхности. Въ полости рта, при ощупываніи языкомъ одинъ и тотъ же предметъ представляется больше, чѣмъ при осязаніи руками; то, что гладко при прикосновеніи къ щекамъ, оказывается шероховатымъ для пальцевъ; то, что составляетъ два предмета, напр., два острія циркуля, для кожи пальцевъ, можетъ быть однимъ предметомъ для кожи лба или плечъ, и т. д. Вообще, неоднородность физиологическаго пространства, неустойчивость его отношеній настолько привычны для насъ, что даже не привлекаютъ нашего вниманія, несмотря на крайнюю иногда фантастичность происходящихъ въ немъ превращеній.—Наконецъ, физиологическое пространство всегда *ограничено*; это то, что мы называемъ «полемъ» зрѣнія или осязанія.

Не таково абстрактное пространство. Во всѣхъ своихъ частяхъ оно строго однородно; въ немъ все совершается непрерывно, и всѣ отношенія законотѣрны. Въ немъ вещи не мѣняются ни формы, ни величины безъ внѣшняго вождѣйствія, не появляются и не исчезаютъ безъ достаточныхъ основаній, не мѣняютъ своихъ свойствъ въ силу одого только положенія въ той или иной его области. Это пространство безконечно.

Въ физиологическомъ пространствѣ звѣзды являются маленькими свѣтящимися точками съ расходящимися отъ нихъ измѣнчивыми полосками свѣта—лучами, съ непрерывными переливами цвѣта; эти точки существуютъ въ теченіе ночи и исчезаютъ съ наступленіемъ дня; разстояніе ихъ отъ глаза не больше расто-

янія видимаго вдали лѣса или горъ. Въ абстрактномъ пространствѣ онѣ таковы, какими изображаетъ ихъ намъ астрономія въ своихъ подавляющихъ всякое воображеніе картинахъ...

Каково же взаимное отношеніе обоихъ видовъ пространства? Физиологическое пространство есть результатъ развитія; въ жизни ребенка оно лишь постепенно кристаллизуется изъ хаоса зрительныхъ и тактильных элементовъ. Это развитіе продолжается и за предѣлами первыхъ лѣтъ жизни: въ воспріятіи взрослого человѣка и разстоянія, и величины, и формы предметовъ устойчивѣе, чѣмъ въ воспріятіи ребенка. Я отчетливо помню, что мальчикомъ лѣтъ 5 разстояніе между землей и небомъ я воспринималъ, какъ величину въ 2—3 раза больше высоты двухъэтажнаго дома, и очень удивлялся, когда, забравшись на крышу, не нашель, чтобы замѣтно приблизился къ небесному своду. Такъ я ознакомился съ однимъ изъ *противорѣчій* физиологическаго пространства. Въ воспріятіи взрослого человѣка этихъ противорѣчій меньше, но они всегда есть.

Абстрактное пространство *свободно отъ противорѣчій*. Въ немъ одинъ и тотъ же предметъ, не подвергающійся достаточнымъ воздѣйствіямъ, не оказывается и больше, и меньше опредѣленнаго другого предмета, и такой и иной формы и т.д. Это пространство строгой законѣрности, всюду совершенно однообразной.—Существуетъ мнѣніе, что оно для всѣхъ вполнѣ одинаково и не можетъ измѣняться. Априористы утверждаютъ, что за всю исторію человѣчества, поскольку она намъ извѣстна, «чистое пространство» (пространство, какъ форма интуиціи) не измѣнялось.

Но это послѣднее утвержденіе *фактически* невѣрно. Исторія показываетъ, что и абстрактное пространство есть результатъ развитія. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нѣтъ надобности даже итти къ ребенку, къ дикарю, къ первобытному человѣку, которыхъ априористъ такъ охотно надѣляетъ абстрактнѣйшими изъ своихъ представлений. Достаточно обратиться къ философамъ древности и новаго времени.

Аристотель отрицалъ возможность пустаго пространства, и въ то же время утверждалъ пространственную ограниченность вселенной. Такимъ образомъ для него пространство не являлось безконечнымъ, хотя безконечность времени онъ признавалъ.—Для Эпикура пространство въ самомъ себѣ заключало верхъ и низъ, чѣмъ онъ и объяснялъ движеніе потока атомовъ; такимъ

образомъ абсолютное пространство было неоднородно. Въ сущности только Кантъ достаточно отчетливо представилъ абстрактное пространство строго однороднымъ: только онъ установилъ впервые *относительность всякаго движенія*, а эта относительность есть именно прямое выраженіе всеобщей однородности пространства. Если пространство обладает абсолютной однородностью, то движеніе А по направленію къ В и движеніе В по направленію къ А, очевидно, вполне тождественны—безъ отношенія къ другому тѣлу положеніе даннаго тѣла не можетъ различаться въ пространствѣ, всѣ части котораго совершенно одинаковы. Такъ какъ относительность всякаго движенія, однако, не сознавалась прежде, то мы съ полнымъ основаніемъ можемъ утверждать, что и абстрактное пространство людей того времени сохраняло еще нѣкоторые слѣды неоднородности ¹⁾. Все это убѣждаетъ насъ въ томъ, что абстрактное пространство есть дѣйствительно результатъ познавательнаго развитія человѣчества.

Отношеніе физиологическаго и абстрактнаго времени, въ общемъ, таково же, какъ отношеніе разсмотрѣнныхъ нами формъ пространства. Физиологическое время по сравненію съ абстрактнымъ неоднородно: оно течетъ неравномѣрно, то быстро, то медленно, иногда даже какъ будто перестаетъ существовать для сознанія—именно во время глубокаго сна или обморока; кромѣ того, оно ограничивается предѣлами личной жизни. Соответственно всему этому измѣнчива и «временная величина» однихъ и тѣхъ же явленій, взятыхъ въ физиологическомъ времени: одинъ и тотъ же процессъ, не испытывая никакихъ воздѣйствій, можетъ протекать для насъ «быстро» или «медленно», а иногда и совсѣмъ оказывается внѣ нашего физиологическаго времени ²⁾. Не таково время абстрактное («чистая форма созерцанія»): оно строго однородно и непрерывно въ своемъ теченіи, и явленія

1) Исторія геометріи указываетъ также на различную степень абстрактности пространства у греческихъ и индусскихъ геометровъ. Одна и та же пара фигуръ для грека представляла случай равенства, а для индуса—случай симметріи. Аналогичныя различія имѣлись и въ ученіи о подобіи фигуръ.

2) Любопытенъ въ этомъ отношеніи тотъ общеизвѣстный фактъ, что скудно проводимое время, которое гянется въ непосредственномъ переживаніи страшно медленно, въ воспоминаніи кажется затѣмъ очень короткимъ. Попытку объясненія этого факта см. у Маха, „Analyse der Empir.“, глава XII, гдѣ дается и общій анализъ временныхъ ощущеній.

въ немъ выступаютъ въ строгой законѣрности. Въ обоихъ своихъ направленіяхъ—въ прошломъ и будущемъ—оно бесконечно.

Несомнѣнно, что время—не только болѣе общая, но и болѣе ранняя по генезису форма опыта, чѣмъ пространство ¹⁾). Поэтому уловить слѣды историческихъ измѣненій по отношенію къ этой формѣ гораздо труднѣе, чѣмъ по отношенію къ пространству—даже абстрактное время повсюду на памяти исторіи является уже приблизительно сложившимся. Однако можно съ большимъ основаніемъ утверждать, что въ неразвитомъ мышленіи дѣтей или низко стоящихъ дикарей чистое время еще не обладаетъ характеромъ *бесконечности*. Кромѣ того, вопросъ о *началѣ* времени существовалъ еще и для греческой философіи, а затѣмъ игралъ извѣстную роль въ патристикѣ. Но если этотъ вопросъ могъ выступать въ сознаніи мыслителей, то очевидно, что самая «форма созерцанія» не обладала еще той опредѣленностью и отчетливостью, какъ въ наше время.

Мы приходимъ къ такимъ выводамъ. Абстрактное пространство и время суть продукты развитія. На своихъ низшихъ стадіяхъ они сохраняютъ часть и такія особенности физиологическаго пространства и времени, которыя на высшихъ стадіяхъ совершенно или почти совершенно теряютъ. Очевидно, чистыя «формы созерцанія» возникаютъ *изъ* физиологическаго пространства и времени. Но какимъ путемъ? Это можно выяснитъ путемъ сравненія тѣхъ и другихъ формъ.

Абстрактное пространство и время характеризуются тѣмъ, что въ нихъ *устранены* *всѣ противорѣчія* физиологическаго пространства и времени, такъ что опытъ *гармонизированъ*, согласованъ въ различныхъ своихъ частяхъ. Это достигается путемъ устраненія неоднородности физиологическаго пространства и времени, путемъ внесенія въ нихъ непрерывности, и путемъ ихъ мысленнаго расширенія за предѣлы всякаго даннаго опыта.

Далѣе, абстрактное пространство и время *объективны*, т. е. существуютъ не только для данной личности и въ данныхъ ея переживаніяхъ, но для всѣхъ познающихъ, обладаютъ *общезна-*

¹⁾ Rudolph Willy отождествляетъ даже физиологическое время *съ потокомъ опыта*, со смѣною переживаній различной широты и интенсивности („Время—это самый опытъ въ его теченіи“.... См. „Krisis der Psychologie“, глава, посвященная критикѣ Маха). Для нашей цѣли вопросъ объ *элементахъ* физиологическаго времени значенія не имѣетъ.

чимостью; въ этомъ они также представляютъ противоположность физиологическому пространству и времени, у которыхъ окраска субъективная, значеніе индивидуальное, ограниченное.

Всѣ эти различія очень глубоки и важны, но на основаніи предыдущаго мы не должны придавать имъ абсолютнаго характера: если абстрактныя формы пространства и времени сложились въ процессѣ развитія, то и ихъ специфическія особенности на каждой данной ступени развитія принадлежатъ имъ лишь постольку, поскольку эти формы дѣйствительно уже сложились. Такимъ образомъ, какъ мы видѣли, въ мышленіи древнихъ не достигалась въ такой мѣрѣ, какъ въ современномъ, ни однородность пространства, ни его безграничность; и, слѣдовательно, объективность, т.-е. общезначимость, нашихъ «формъ созерцанія» не безусловна по отношенію къ древнимъ, а также и наоборотъ.

Это приводитъ насъ къ слѣдующему важному положенію: объективность или общезначимость данныхъ формъ пространства и времени относится въ дѣйствительности только къ существамъ, до извѣстной степени близкимъ по степени своего познавательнаго развитія ¹⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно выступаетъ вопросъ о происхожденіи этой объективности. Оно же неразрывно связано съ происхожденіемъ другихъ особенностей абстрактнаго пространства и времени.

Какимъ путемъ возможенъ для познающей личности переходъ отъ постоянно неоднородныхъ, лишенныхъ непрерывности и всегда ограниченныхъ пространственныхъ и временныхъ *воспріятій* къ однороднымъ, непрерывнымъ, безгранично развертывающимся *абстрактнымъ формамъ* пространства и времени? Только однимъ путемъ—*черезъ общеніе съ другими людьми*.

Въ индивидуальномъ опытѣ время течетъ иногда быстрѣе, иногда медленнѣе, иногда какъ-будто прерывается. Измѣняется

¹⁾ Я понимаю, что это положеніе можетъ вызвать въ душѣ читателя интенсивное чувство противорѣчія. Мы такъ привыкли представлять себѣ, что и всѣ другіе люди, прошлаго, настоящаго и будущаго,—и даже животныя живутъ „въ томъ же пространствѣ и времени, что и мы“. Но привычка—не доказательство. Безспорно, что мы мыслимъ этихъ людей и животныхъ въ *нашемъ* пространствѣ и времени, но чтобы *они* мыслили себя и насъ *въ томъ же самомъ* пространствѣ и времени, это ни изъ чего не слѣдуетъ. Конечно, поскольку ихъ организаціи вообще сходны съ нашею и поскольку ихъ высказыванія намъ понятны, мы можемъ предположить и у нихъ сходныя, но не тождественныя съ нашими „формы созерцанія“.

временнѣя мѣра опыта, и всѣ переживанія мѣняють свой темпъ. Что могъ бы создать изъ этого совершенно отдѣльный отъ другихъ людей познающій индивидуумъ—этотъ вѣчный Робинзонъ философіи? Все, что угодно, только не то, что для насъ требуется — однородность и непрерывность абстрактнаго времени. Воспоминанія означеннаго Робинзона обрываются на извѣстной границѣ; что онъ могъ бы вывести изъ этого? Все, что угодно, только не безконечность времени.—Но безчисленныя высказыванія другихъ людей, заполняя пробѣлы и сглаживая неровности его личнаго опыта, убѣждаютъ его въ томъ, что перерывы въ теченіи процессовъ природы, существующіе для него, не существуютъ для другихъ, и съ успѣхомъ могутъ быть замѣнены ихъ опытомъ, что замедленія и ускоренія въ теченіи опыта также «не объективны», т.-е. не сходятся съ опытомъ другихъ людей, и съ пользою могутъ быть выравнены соотвѣтственно этому чужому опыту. *Согласуя свои переживанія съ переживаніями другихъ людей, создавъ челоуѣкъ абстрактную форму времени.*

То же самое въ той же мѣрѣ относится къ абстрактному пространству: оно также есть форма соціального согласованія опыта различныхъ людей.

Всѣмъ этимъ рѣшается для насъ, очевидно, и вопросъ о генезисѣ объективности пространства и времени. Поскольку въ опытѣ различныхъ людей оказываются *согласованными* пространственныя и временныя отношенія, постольку отношенія эти и пріобрѣтають общезначимость, т.-е. объективность.

Итакъ, что же означаютъ въ концѣ концовъ абстрактныя формы пространства и времени? Онѣ выражаютъ *соціальную организованность опыта*. Обмѣниваясь безчисленными высказываніями, люди непрерывно устраняють взаимно противорѣчія своего соціального опыта, гармонизируютъ его, организуютъ его во всеобщія по значенію, т.-е. объективныя формы. Дальнѣйшее развитіе опыта идетъ уже на основѣ этихъ формъ и необходимо укладывается въ ихъ рамки.

Въ наше время экономисты и социологи уже затрудняются примѣнять въ анализѣ нелѣпую фигуру Робинзона. Но экономическій Робинзонъ все-таки болѣе возможенъ, чѣмъ познавательный, этотъ невѣроятный солипсистъ, который чаще всего выступаетъ героемъ гносеологическихъ анализовъ, который познаетъ совершенно самостоятельно отъ другихъ людей и лишь

при помощи разных тонких уловок успѣваетъ перебраться за предѣлы своего «внутренняго міра» въ болѣе просторный міръ, «внѣшній», гдѣ обыкновенно и начинается создавать различныхъ фетишей: «матерію», существующую независимо отъ нашего опыта, а также инныя «субстанціи». Кто изъ людей и когда интеллектуально жилъ и развивался внѣ соціального опыта, внѣ среды «высказываній»? Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что въ наше время человѣкъ получаетъ абстрактныя формы опыта почти готовыми въ своей наслѣдственной психической организаци. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что и соціально-сложившіяся формы могутъ въ долгомъ ряду поколѣній пріобрѣсти прочность, подобную прочности другихъ біологическихъ образований, ту прочность, которая выражается въ органической наслѣдственности. При этомъ соціально-сложившіяся формы опыта окажутся дѣйствительно «а ріогі» опыта индивидуальнаго; и такой, соціально-эволюціонный, апріоризмъ допустить вполне возможно. Но надо помнить, что опытъ людей не можетъ быть всецѣло и безусловно уложенъ въ рамки этихъ сложившихся формъ: шагъ за шагомъ онъ можетъ измѣнять ихъ, что, какъ мы видѣли, и происходило на самомъ дѣлѣ.

V.

Теперь у насъ есть исходная точка для рѣшенія болѣе общаго вопроса—о физическомъ и психическомъ мірѣ.

Общую характеристику «физической» области опыта представляетъ, какъ мы указали, объективность или общезначимость. Къ физическому міру мы относимъ исключительно то, что считаемъ объективнымъ; и если затѣмъ оказывается, что отнесенное такимъ образомъ переживаніе субъективно, т.-е. не обладаетъ дѣйствительною общезначимостью, то мы немедленно переносимъ его въ сферу психическаго, подъ именемъ, напр., галлюцинаціи, иллюзіи, сновидѣнія; а если научныя привычки мышленія у насъ недостаточно сложились, то мы это переживаніе можемъ просто признать непостижимымъ, чудомъ, и т. под., другими словами,—перестаемъ познавателью къ нему относиться.

Вопросъ о происхожденіи объективности физическаго міра послѣ предыдущаго не долженъ представлять большихъ затрудненій. Та согласованность коллективнаго опыта, которая выражается въ этой «объективности», могла явиться лишь какъ ре-

зультатъ прогрессивнаго согласованія опыта различныхъ людей при помощи взаимныхъ высказываній. Объективность физическихъ тѣлъ, съ которыми мы встрѣчаемся въ своемъ опытѣ, устанавливается въ конечномъ счетѣ на основѣ взаимной повѣрки и согласованія высказываній различныхъ людей. Вообще, физическій міръ—это социальное-согласованный, социальное-гармонизированный, словомъ—*социально-организованный опытъ*. Вотъ почему онъ нераздѣленъ для насъ отъ абстрактнаго пространства и времени—этихъ основныхъ формъ, въ которыхъ выражается социальная организованность опыта.

Здѣсь возможно такое возраженіе: въ цѣлой массѣ случаевъ мы убѣждаемся, и съ полнымъ основаніемъ, въ объективности различныхъ внѣшнихъ предметовъ помимо всякихъ чужихъ высказываній. Если я ушибъ ногу о камень, неужели объективность этого камня будетъ подлежать для меня сомнѣнію, пока я не дождусь чужихъ высказываній относительно этого камня? Но такой аргументъ основанъ на недоразумѣніи.

Объективность внѣшнихъ предметовъ всегда сводится къ общему высказыванію *въ конечномъ счетѣ*, но далеко не всегда—*непосредственно* на немъ основывается. Въ процессѣ социальнаго опыта складываются извѣстныя общія отношенія, общія закономерности (абстрактное пространство и время принадлежатъ къ ихъ числу), которыя характеризуютъ собою физическій міръ, которыя его охватываютъ. Эти общія отношенія, социальное сложившись и упрочившись, по преимуществу связаны социальной согласованностью опыта, по преимуществу *объективны*. Всякое новое переживаніе, которое всецѣло согласуется съ ними, которое всецѣло укладывается въ ихъ рамки, мы признаемъ объективнымъ, не дожидаясь ничьихъ высказываній: новый опытъ естественно получаетъ характеристику того стараго опыта, въ формы котораго онъ кристаллизуется.

Въ нашемъ примѣрѣ съ камнемъ, критеріемъ объективности камня является тотъ фактъ, что онъ находитъ себѣ мѣсто среди пространственной и временной послѣдовательности физическаго міра, какъ тѣло среди другихъ тѣлъ, и въ причинной связи съ другими явленіями этого ряда ¹⁾. Камень оказывается среди

¹⁾ Причинная связь представляетъ изъ себя болѣе поздній продуктъ социальное-познавательнаго развитія, чѣмъ абстрактное пространство и время. На памяти исторіи она шагъ за шагомъ переходила отъ формы анимистиче-

«объективной» области опыта и потому самъ выступаетъ для насъ, какъ нѣчто объективное. Но контроль развивающагося соціального опыта стоитъ всегда надъ этой объективностью и иногда отмѣняетъ ее. Домовой, который меня душитъ по ночамъ, обладаетъ для меня характеромъ объективности, быть можетъ ничуть не въ меньшей степени, чѣмъ камень, о который я ушибаюсь; но высказыванія другихъ людей отнимаютъ эту объективность. Если забыть объ этомъ высшемъ критеріи объективности, то систематическія галлюцинаціи могли бы образовать объективный міръ, на что здоровые люди врядъ ли согласятся.

Итакъ, мы съ полнымъ основаніемъ можемъ характеризовать физическій міръ, какъ соціально-организованный опытъ. Какова же въ такомъ случаѣ должна быть характеристика «психического»?

Область психики характеризуется прежде всего тѣмъ, что психическія переживанія одного лица не обладаютъ общезначимостью по отношенію ко всѣмъ другимъ людямъ. Мои воспріятія и представленія, взятые въ ихъ непосредственности, существуютъ только для меня, и лишь косвенно пріобрѣтаютъ познавательное значеніе для другихъ людей, да и то только отчасти. То же самое относится къ моимъ эмоціямъ и стремленіямъ. Всѣ эти факты «внутренняго опыта» отличаются величайшей несомнѣнностью — но только для меня, только для того, кто ихъ переживаетъ. Они «субъективны», т.-е. не согласованы съ переживаніями другихъ людей, не приведены въ гармонію съ ихъ опытомъ, и потому не имѣютъ для другихъ людей «объ-

---

ской (причина явленія—дѣйствіе скрывающейся за нимъ воли, духа) къ формѣ энергетической (причина явленія—другое явленіе, съ нимъ соизмѣримое, количественно ему эквивалентное, безъ остатка въ него переходящее). О различныхъ стадіяхъ этого развитія см. мои работы «Основ. элементы историч. взгляда на природу», 1898 г., и «Познаніе съ историч. точки зрѣнія», 1901. См. также В. Оствальда—„Натуръ-философія“ (1901 года, русск. переводъ 1902 г.).

Во всякомъ случаѣ, причинная связь—болѣе сложное образованіе, чѣмъ абстрактное пространство и время, и *ихъ уже предполагаетъ*; поэтому намъ и нѣтъ надобности специально останавливаться на ея соціальномъ генезисѣ. Юмъ, который сводилъ причинную связь только къ привычнымъ послѣдовательностямъ опыта, былъ, конечно, неправъ, и правъ былъ Кантъ, указывая, что изъ привычныхъ послѣдовательностей нельзя получить *общеобязательности* (общезначимости) причинной связи. Но вопросъ о *генезисѣ* этой общеобязательности Кантъ оставилъ безъ разрѣшенія, потому что соціальность познанія не была ясна для него.

ективного» характера. Они лишены той *соціальной организованности*, которая свойственна физическому опыту.

Этому нисколько не противорѣчитъ тотъ фактъ, что и психическое соціально сообщается отъ однихъ людей другимъ при помощи высказываній—миимики, рѣчи, искусства. Сообщать свои переживанія другимъ еще не значитъ—достигать согласованности, гармоніи ихъ съ чужими переживаніями; отъ этого психическій опытъ отдѣльнаго лица еще не становится интегральной, органической составной частью коллективнаго опыта, онъ остается личнымъ опытомъ ¹⁾.

Однако, психическій опытъ не является просто неорганизованнымъ, хаотическимъ. Хотя въ меньшей степени, чѣмъ опытъ физической, но онъ обладаетъ извѣстной связностью, согласованностью. Его элементы *ассоцируются*—это его специальная форма организациі; воспріятія, представленія, стремленія группируются въ опредѣленные цѣпи и комплексы; наконецъ, все это объединяется около одного, наиболѣе прочнаго и устойчиваго комплекса воспоминаній, чувствъ и стремленій—того комплекса, который обозначается словомъ «я». Иначе говоря, и психическое организовано, но только не соціально, а индивидуально: это индивидуально-организованный опытъ.

Во избѣжаніе путаницы терминовъ, я замѣчу, что и опытъ индивидуальный можетъ быть организованъ соціально, и опытъ соціальный можетъ быть организованъ индивидуально. Для астронома, только что открывшаго комету, эта комета пока еще только индивидуальный комплексъ элементовъ опыта; но такъ какъ онъ немедленно укладываетъ ее въ рамки соціально-организованнаго опыта, ставитъ въ общую связь этого опыта, и согласуетъ съ другими его данными, то это его индивидуальное переживаніе сразу оказывается составной частью соціально-орга-

---

1) Различіе между простой соціальностью опыта, выражающейся въ его передачѣ отъ людей къ людямъ, и его соціальной организованностью, совпадающей съ „объективностью“, можно пояснить аналогіей изъ экономическаго міра. Въ мѣновомъ обществѣ трудъ, несомнѣнно, социаленъ, потому что одни работаютъ для другихъ, и наоборотъ, что и обнаруживается въ обмѣнѣ товаровъ; но это не значитъ еще, чтобы трудъ былъ соціально-организованъ, т.-е. чтобы трудовія дѣйствія людей были соціально согласованы, гармонизированы. Напротивъ, мѣновое производство всегда характеризуется, какъ неорганизованное, «анархическое».

низованнаго опыта, въ данномъ случаѣ—астрономическаго міра. Наоборотъ, черезъ высказыванія другихъ людей человѣкъ усваиваетъ себѣ значительную часть социальнаго опыта; но поскольку онъ ассоціативно объединяетъ этотъ социальный опытъ съ другими психическими переживаніями около своего «я», постольку организуетъ его индивидуально; тогда этотъ опытъ является всецѣло психическимъ, и относится, напр., къ сферѣ личной памяти.

Возможно еще одно терминологическое недоразумѣніе. Могутъ сказать: психическое познается, подобно физическому; существуетъ наука психологія, и психологическіе законы; эта наука и эти законы выработаны социалью, и органически входятъ въ систему общественнаго познанія, стало быть, психическій опытъ социалью организуется—въ формѣ этихъ законовъ, и не есть только опытъ индивидуально-организованный. — Но это возраженіе легко устраняется выясненіемъ понятій «закона» и «опыта».

Законы отнюдь не принадлежатъ къ сферѣ опыта, къ сферѣ непосредственныхъ переживаній; законы—результатъ познавательной обработки опыта; они не даны въ немъ, а создаются мышленіемъ, какъ средство организовать опытъ, гармонически согласовать его въ стройное единство. Законы—это *абстракціи познанія*: и физическіе законы такъ же мало обладаютъ физическими свойствами, какъ психологическіе—свойствами психическими. Ихъ нельзя относить къ тому или другому ряду опыта; а потому если они сами и образуютъ социалью-организованную систему, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы была социалью-организована и охватываемая ими область опыта. Они получаются изъ опыта путемъ отвлеченія; а можно вѣдь отвлечься, между прочимъ, именно отъ того, что и дѣлаетъ данный опытъ социалью-неорганизованнымъ. Какъ разъ такъ и обстоитъ дѣло съ психологіей и ея законами: она отвлекается отъ *данной* конкретной личности, отъ ея даннаго, отдѣльнаго «я», имѣетъ дѣло съ психической личностью вообще. Но именно данное отдѣльное «я», конкретность данной отдѣльной личности и есть то, что дѣлаетъ ея опытъ организованнымъ индивидуально, а не социалью.

Резюмируемъ. Антитеза физическаго и психическаго ряда переживаній сводится къ различію опыта социалью-организованнаго и опыта, организованнаго индивидуально.

VI.

На основаніи предыдущаго насъ не можетъ болѣе удовлетворять установленная Махомъ и Авенаріусомъ формулировка различій между физическимъ и психическимъ; мы не будемъ говорить о рядѣ «независимомъ» и рядѣ, зависимомъ отъ системы С; держась терминовъ Авенаріуса, мы должны были бы говорить о рядѣ, зависимомъ отъ «конгрегальной системы» (соціальной), и о рядѣ, зависимомъ отъ индивидуальной системы С. Но и такая характеристика еще недостаточно выражаетъ идею о *типахъ организаціи* того и другого ряда; между тѣмъ сущность дѣла заключается именно въ типѣ организаціи.

Теперь для насъ не представляютъ особыхъ затрудненій тѣ «вопросы дуализма», которые мы должны были поставить эмпиокритическому монизму. Если въ единомъ потокѣ человѣческаго опыта мы находимъ двѣ принципиально различныхъ закономерности, то все же обѣ онѣ вытекаютъ одинаково изъ нашей собственной организаціи: онѣ выражаютъ двѣ біологически-организующихъ тенденціи, въ силу которыхъ мы выступаемъ въ опытѣ одновременно какъ особи, и какъ элементы соціального цѣлага. На вопросъ, почему этихъ типовъ организаціи опыта только два, мы скажемъ: ищите отвѣта въ біологической и соціальной исторіи человѣка; она разскажетъ вамъ, какъ въ борьбѣ за существованіе возникла родовая жизнь человѣка, какъ обособлялась въ ней личность, и въ то же время развертывалась все болѣе широкая связь соціальная, и, наконецъ, какъ развивались, приспособляясь все къ той же борьбѣ, человѣческія формы мышленія съ ихъ современной двойственностью. При этомъ разрѣшится также вопросъ о томъ, почему одни комплексы элементовъ опыта выступаютъ иногда въ физическомъ, иногда въ психическомъ ряду, а другіе—только въ психическомъ: исключительно психическими являются комплексы эмоціональные и волевые, т.-е. тѣ переживанія, которыя, по условіямъ соціальной и внутри-соціальной борьбы, наиболѣе различно направлены въ различныхъ людяхъ.

Но если такимъ образомъ раньше поставленные вопросы дуализма теряютъ свою остроту, оказываясь принципиально разрѣшимыми, то тѣмъ настоятельнѣе требуетъ себѣ вниманія новый, вытекающій изъ этого ихъ рѣшенія вопросъ: каково относитель-

ное значеніе обоихъ типовъ организаціи опыта, какъ оцѣнить ихъ съ точки зрѣнія развитія, какой судьбы надо ожидать для каждаго изъ нихъ въ случаѣ дальнѣйшаго прогресса человѣческой жизни? Вопросъ очень сложенъ, и можно надѣяться пока только на очень приблизительное его рѣшеніе,—но нѣкоторыя данныя для этого рѣшенія имѣются.

Въ цѣломъ рядѣ случаевъ можно наблюдать взаимное соотвѣтствіе и гармонию обоихъ рядовъ опыта—физическаго и психическаго, и въ цѣломъ рядѣ другихъ случаевъ—ихъ взаимную конкуренцію и даже противорѣчія. Гармония и соотвѣтствіе обнаруживаются наиболѣе непосредственнымъ образомъ тамъ, гдѣ воспріятія и представленія, какъ принято говорить, «правильны» или «соотвѣтствуютъ самимъ вещамъ», такъ что физическое тѣло и его психическій образъ въ достаточной степени «совпадаютъ», чтобы не получалось практическихъ и теоретическихъ недоразумѣній. Наоборотъ, когда воспріятія или представленія «неправильны», «не соотвѣтствуютъ вещамъ», когда человѣкъ испытываетъ «иллюзію», принимая одну «вещь» за другую, или переживаетъ «галлюцинаціи», «ошибки памяти», или просто «не понимаетъ», съ какой вещью имѣетъ дѣло, то онъ, съ одной стороны, можетъ неудачно реагировать практически, такъ что получаетъ отъ данной «вещи» различныя вредныя воздѣйствія, съ другой стороны—оказывается неприспособленъ теоретически, т.-е. его высказыванія порождаютъ противорѣчія въ другихъ людяхъ, а также и въ немъ самомъ, поскольку онъ усвоилъ себѣ коллективный опытъ. Это тѣ формы, въ которыхъ наиболѣе непосредственно проявляется взаимное несоотвѣтствіе, дисгармонія опыта соціально-организованнаго съ опытомъ, организованнымъ индивидуально, ряда физическаго съ рядомъ психическимъ.

Менѣе непосредственно выступаютъ гармонія и противорѣчія обоихъ рядовъ опыта въ процессѣ ихъ *познанія*, ихъ систематизаціи путемъ обобщенія и различенія. Здѣсь гармонія сводится къ тому, что и физическое, и психическое подводятся подъ однѣ и тѣ-же обобщающія формы—«категоріи» или «законы»; противорѣчіе начинается тамъ, гдѣ это не удастся. Наприм., поскольку познающій подчиняетъ и физическое, и психическое одному закону причинности, постольку оба ряда гармонически объединяются въ познаніи; поскольку онъ подводитъ физическое подъ категорію причинности, а психическое—подъ катего-

рію «свободы», т.-е. необусловленности, или представляет причинныя цѣпи обоихъ рядовъ абсолютно раздѣльными, нигдѣ не сливающимися, постольку передъ нами противорѣчіе физическаго и психическаго ряда въ видѣ «дуализма», т.-е. невозможности для познанія довести до конца свою объединяющую и обобщающую тенденцію.

Иногда противорѣчіе физическаго и психическаго принимаетъ форму ихъ конкуренціи. Это наблюдается и непосредственно—тамъ, гдѣ человѣкъ, какъ это бываетъ при нѣкоторыхъ патологическихъ состояніяхъ, считаетъ «реальное» за «кажущееся», дѣйствительность — за иллюзію, или, наоборотъ, принимаетъ за физическую реальность образы сновидѣній, галлюцинаціи, и т. под.; тогда область «физическаго» или «психическаго» прямо расширяется въ личномъ опытѣ за счетъ другой. Затѣмъ въ познаніи, особенно въ философіи, конкуренція рядовъ выступаетъ въ видѣ матеріалистическаго или спиритуалистическаго монизма: въ первомъ случаѣ психическое просто включается познаніемъ въ физическій рядъ, во второмъ—наоборотъ: физическое укладывается въ рамки психическаго ряда. Въ обоихъ случаяхъ одинъ рядъ, такъ сказать, вытѣсняетъ другой, занимая его мѣсто въ познаніи.

Физиологическое пространство со всѣмъ его содержаніемъ представляетъ примѣръ того, какъ реально комбинируется физическое и психическое, опытъ, организованный социалью, и опытъ, организованный индивидуально. Мы очень рѣдко поддаемся иллюзіямъ физиологическаго пространства, и наше воспріятіе того или иного предмета фактически, обыкновенно, заключаетъ въ себѣ не совсѣмъ то, и притомъ гораздо больше, чѣмъ даетъ изображеніе на сѣтчаткѣ. Видя какой-нибудь предметъ отчасти и только съ одной стороны, мы въ то же время сразу представляемъ его себѣ въ цѣломъ и со всѣхъ сторонъ, какимъ онъ является, собственно, лишь въ геометрическомъ пространствѣ; и это дополняющее представленіе такъ неразрывно сливается съ непосредственнымъ воспріятіемъ, что нужно спеціальное усиліе психики, чтобы ихъ разграничить, чтобы видѣть не больше, чѣмъ имѣется въ оптическомъ изображеніи; а въ полной мѣрѣ это даже никогда не удастся. вмѣстѣ съ тѣмъ непосредственное воспріятіе въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ подвергается и нѣкоторому исправленію; напр., мы не только вообще не видимъ пред-

меты вдвойнѣ двумя глазами, но они не удваиваются замѣтно для насъ по большей части и тогда, когда изображенія въ обоихъ глазахъ расположены не вполне соотвѣтственно одно другому: дальніе предметы далеко не всегда дwoятся въ тѣхъ случаяхъ, когда мы смотримъ на близкіе предметы, и наоборотъ. Психика постоянно стремится согласовать свой «психическій» опытъ съ опытомъ «физическимъ», дополняетъ и исправляетъ его этимъ послѣднимъ, въ результатѣ чего и получаютъ такія формы опыта, какъ физиологическое пространство,—формы, окрашенная частью «субъективнымъ», частью «объективнымъ» отѣнкомъ.

Здѣсь мы попутно получили и біологическую оцѣнку обоихъ типовъ организаціи опыта: повсюду, гдѣ они конкурируютъ или сталкиваются, жизненно высшимъ оказывается типъ соціально-организованный или объективный; съ нимъ долженъ быть согласованъ опытъ субъективный или организованный индивидуально, иначе получается жизненная неприспособленность. И это вполне понятно, такъ какъ базисъ объективнаго опыта несравненно шире: этотъ базисъ—соціальное развитіе, жизнь миллионъ людей въ тысячахъ поколѣній, тогда какъ субъективный опытъ имѣетъ своей органической основой въ каждомъ данномъ случаѣ лишь индивидуальный процессъ развитія опредѣленной личности. Такая оцѣнка въ сущности уже дана была нами, когда мы характеризовали одинъ рядъ опыта его «общезначимостью», другой—лишь «индивидуальной значимостью» ¹⁾.

¹⁾ Еще разъ напомнимъ читателю, что «объективный» опытъ вовсе не то, что «соціальный» опытъ, и субъективный не то, что «индивидуальный». Соціальный опытъ далеко не весь соціально организованъ и заключаетъ въ себѣ всегда различныя противорѣчія, такъ что однѣ его части не согласуются съ другими; лѣшіе и домовые могутъ существовать въ сферѣ соціального опыта даннаго народа или данной группы народа, напр., крестьянства; но въ опытѣ соціально-организованный или объективный включать ихъ изъ-за этого еще не приходится, потому что они не гармонируютъ съ остальнымъ коллективнымъ опытомъ, и не укладываются въ его организующія формы, напр., въ цѣль причинности. Наоборотъ, въ другихъ случаяхъ опытъ пока еще индивидуальный, напр., опытъ какого-нибудь изслѣдователя, открывающаго новые факты и проверяющаго, а частью опровергающаго старые, фактически въ наибольшей мѣрѣ гармонируетъ со всей совокупностью коллективнаго опыта, и находится въ полномъ соотвѣтствіи съ его общими организующими формами. При этомъ въ случаяхъ перваго рода дисгармоническіе элементы соціального опыта въ процессѣ развитія шагъ за шагомъ устраняются, сохраняя

Но если одинъ изъ двухъ типовъ организаціи опыта является біологически-высшимъ, то очевидно, что процессъ развитія долженъ вести къ возрастающему господству именно этого типа, къ постепенной кристаллизаціи всего содержанія опыта именно въ его формахъ. Значить ли это, что другой типъ долженъ просто исчезнуть? Изъ предыдущаго нельзя сдѣлать такого вывода. Мы только видѣли, что во всѣхъ случаяхъ, когда между двумя типами возникаетъ конкуренція или прямое противорѣчіе, то одинъ изъ нихъ долженъ подчиняться другому, уложиться въ его рамки, согласоваться съ нимъ, но отнюдь не просто уничтожиться. Тамъ, гдѣ «воспріятія» не соотвѣтствуютъ «воспринимаемымъ вещамъ», тамъ они должны быть исправлены въ соотвѣтствіи съ этими «вещами», но вовсе не исчезнуть и не перестать быть «воспріятіями», т.-е. «психическими фактами», а не «физическими явленіями». Психическій рядъ долженъ прогрессивно приспособляться къ ряду физическому, гармонизироваться съ нимъ, но не вытѣсняться имъ.

Въ этомъ нѣтъ никакого противорѣчія. Индивидуальная организованность вовсе не исключаетъ организованности соціальной, а наоборотъ, легко становится элементомъ этой послѣдней, такъ же, какъ въ процессахъ труда гармоническое единство личной воли отнюдь не исключаетъ гармоническаго единства воли коллективной, а, наоборотъ, при извѣстныхъ условіяхъ позволяетъ этому послѣднему достигнуть высшей ступени. Несомнѣнно, что всякое низшее единство можетъ явиться интегральной частью единства высшаго, лишь бы оно было въ достаточной мѣрѣ согласовано съ другими низшими единствами, входящими въ составъ высшаго.

VII.

Дуализмъ опыта и познанія начинается не тамъ, гдѣ существуютъ два типа организаціи опыта, но тамъ, гдѣ тотъ и другое свое значеніе сначала для все меньшихъ и меньшихъ группъ общества, а затѣмъ только для отдѣльныхъ личностей; въ случаяхъ же второго рода индивидуальный опытъ принимаетъ мало-по-малу характеръ соціального, распространяясь въ обществѣ все шире и шире. Именно на этомъ основана, съ одной стороны, непрерывная гармонизація соціального опыта путемъ устраненія его противорѣчій, съ другой стороны, расширение соціального опыта путемъ внесенія въ него новыхъ и новыхъ элементовъ индивидуальнаго опыта отдѣльныхъ развивающихся личностей.

гой типъ не находятся въ организованномъ соотношеніи, т.-е. не объединены гармонически. Организациа клѣтки, съ одной стороны, и организма, къ которому она вмѣстѣ съ другими клѣтками принадлежитъ, съ другой стороны, не образуетъ еще жизненнаго дуализма; онъ возникаетъ только тамъ, гдѣ клѣтка начинаетъ жить самостоятельной жизнью, не приспособляясь къ своему цѣлому; тогда отсутствіе гармоніи между частью и цѣлымъ даетъ себя почувствовать въ пониженіи жизнеспособности либо части, либо цѣлаго, либо того и другого вмѣстѣ. Это и есть дуалистическое противорѣчіе.

Такимъ же образомъ въ опытѣ и познаніи дуализмъ получается въ томъ случаѣ, если индивидуально-организованный опытъ перестаетъ быть нераздѣльной частью опыта социально-организованнаго, если первый складывается въ самостоятельныя формы, независимыя отъ формъ второго, не приспособленныя къ нимъ гармонически, словомъ, если «психическое» превращается въ особый міръ со своими собственными категоріями и законами, не образующими органическаго единства съ категоріями и законами «физическаго». Тогда міръ опыта, лишенный цѣлостности, превращается въ міръ противорѣчій и борьбы, личность оказывается неспособной согласовать свои переживанія вообще и дѣйствія въ частности съ переживаніями и дѣйствіями другихъ людей, которые выступаютъ тогда въ ея опытѣ какъ иначе организованныя единицы; а познаніе путается въ безысходныхъ противорѣчіяхъ анимизма и метафизики. Именно таково современное положеніе человѣческой психики.

Выходъ изъ этого дуалистическаго положенія возможенъ только въ томъ случаѣ, если произойдетъ систематическое приспособленіе опыта индивидуально-организованнаго къ организованному социально, такъ что первый найдетъ себѣ мѣсто въ объединяющихъ формахъ второго, какъ клѣтка въ системѣ тканей организма. Что этотъ путь единственный, какой можно теоретически допустить, въ томъ легко убѣдиться по способу исключенія. Если бы приспособленіе происходило въ обратномъ направленіи, социально-организованный типъ приспособлялся бы къ индивидуально-организованному, то это означало бы, очевидно, просто уничтоженіе перваго изъ нихъ, его систематическое разложеніе; ни о какой гармоніи соціальнаго опыта не могло бы быть и рѣчи. А предположить ихъ гармоническое сліяніе въ ка-

комъ-нибудь иномъ, третьемъ и высшемъ типѣ мы не можемъ, если не хотимъ выходить изъ рамокъ опыта, въ которомъ вообще не имѣется никакихъ указаній на подобный третій типъ ¹⁾. Остается только одинъ путь гармонизаціи опыта, именно тотъ, который былъ сейчасъ указанъ.

Въ самой дѣйствительности такая тенденція развитія непосредственно обнаруживается во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прямая практическія потребности вынуждаютъ человѣка искать примиренія противорѣчивыхъ данныхъ опыта. Тогда онъ обыкновенно не задумывается ставить свой «психическій» и «субъективный» опытъ подъ контроль опыта «физическаго» и «объективнаго», провѣряетъ свои воспріятія и «представленія» при помощи этого послѣдняго и устраняетъ изъ нихъ все, что въ его рамки и формы не укладывается. Тогда онъ высказывается, приблизительно, въ такомъ родѣ: «Мнѣ показалось то-то и то-то (опытъ какъ «психическое»); но этого не могло быть по такимъ-то и такимъ-то причинамъ (провѣрка при помощи причинности—формы «объективнаго» опыта, и установленныхъ, также изъ «объективнаго» опыта, фактовъ); очевидно, я ошибся (устраненіе тѣхъ элементовъ «субъективнаго», которые не приспособлены къ «объективному»); вѣроятно, въ дѣйствительности имѣется то-то и то-то; я думаю, это по такимъ-то и такимъ-то причинамъ» (приблизительная гармонизація «субъективнаго» и «объективнаго» путемъ приспособленія перваго ко второму). Существуетъ, правда, и противоположный путь приспособленія: «хотя все говоритъ въ пользу этого, но я не могу допустить, чтобы это было такъ, и вѣрю, что это не такъ, а вотъ какъ» (приспособленіе «объективнаго» къ «субъективному»); но это регрессивный путь приспособленія, на этомъ пути противорѣчія могутъ только возрастать, а система опыта и познанія — только дезорганизоваться.

Въ системѣ познанія, которая вся представляетъ прогрессивную гармонизацію опыта, подчиненіе «субъективнаго» въ опытѣ «объективному» представляетъ основной организующій принципъ,

---

¹⁾ Философія не разъ искала гармонизаціи опыта именно на этомъ пути—за предѣлами опыта, въ высшемъ познаніи. Но фактически выйти за предѣлы опыта и она, конечно, не могла, а приходила только къ пустымъ абстракціямъ и противорѣчивымъ образамъ, всѣ элементы которыхъ брались все-таки изъ опыта.

внѣ котораго самое познаніе немислимо. Поэтому съ «субъективнымъ» оно считается лишь постольку, поскольку стремится согласовать его съ формами «объективнаго», напр., поставить въ причинную связь съ опредѣленными объективно установленными данными опыта. Только въ сферѣ познанія и возможна окончательная и общая гармонизація опыта, его всеохватывающая монистическая организація; опытъ же непосредственный, постоянно приносящій новыя и новыя переживанія, неизбѣжно приноситъ вмѣстѣ съ тѣмъ новыя частныя противорѣчія, которыя и должно примирить затѣмъ познаніе.

Вопросъ заключается теперь въ томъ, на какомъ пути познаніе способно осуществить эту монистическую организацію опыта, дать всеобщее примиреніе его дуалистическихъ противорѣчій. Чтобы найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, намъ слѣдуетъ рассмотретьъ связь «физическаго» и «психическаго» тамъ, гдѣ обѣ эти области опыта всего тѣснѣе соприкасаются между собою.

VIII.

Психологи въ своихъ изслѣдованіяхъ большею частью принимаютъ практически,—а многіе изъ нихъ и теоретически,—принципъ такъ называемаго «психофизическаго параллелизма». Это—идея объ извѣстномъ постоянномъ соотношеніи между психическими явленіями и «физиологическими процессами нервной системы», именно такомъ соотношеніи, при которомъ каждому данному акту познанія соответствуетъ опредѣленное измѣненіе въ нервной системѣ, такъ что «параллельно» ряду фактовъ сознанія развертывается рядъ одновременныхъ физиологическихъ нервныхъ процессовъ въ неразрывной и неизмѣнной связи съ ними. Какъ методъ изслѣдованія, эта точка зрѣнія оказалась въ высокой степени полезною и не встрѣтилась ни съ какими противорѣчіями, которыя могли бы принципиально подорвать ее,—вообще оправдала себя въ достаточной мѣрѣ.

Надо замѣтить, что на идеѣ параллелизма нѣкоторые философы—главнымъ образомъ, нео-кантіанскаго оттѣнка—пытались построить своеобразную форму «монистическаго міровоззрѣнія». Именно, физическое и психическое разсматриваются, какъ «двѣ стороны единой реальности»—внѣшняя и внутренняя; то, что для «внѣшняго» воспріятія выступаетъ, какъ физическое, для «вну-

тренняго» воспріятія, по этому взгляду, является, какъ психическое, подобно тому, какъ дуга круга, рассматриваемая извнѣ, представляется выпуклою линіей, а изнутри—вогнутой. Взглядъ этотъ, очевидно, не стоитъ въ необходимой логической связи съ научно-психологической теоріи параллелизма; онъ заключаетъ въ себѣ то, чего въ ней нѣтъ—такъ называемую «интродекцію», помѣщеніе психическаго міра *внутри* нервной системы, гипотезу, для нашихъ цѣлей совершенно излишнюю и болѣе чѣмъ спорную. Принимать такую гипотезу намъ нѣтъ никакой надобности, разъ мы стремимся не удалаться безъ необходимости отъ того, что имѣется въ опытѣ; это нисколько не помѣшаетъ намъ сохранять *методологическую* идею параллелизма ¹⁾.

Положеніе Авенаріуса о «функціональномъ соотношеніи» психическаго или, какъ онъ выражается, «ряда E», съ физиологическими измѣненіями центральнаго нервнаго аппарата, съ «рядомъ C», въ сущности, есть лишь другая формулировка *научнаго* психо-физическаго параллелизма. Въ самомъ дѣлѣ, это и есть признаніе постоянной опредѣленной связи между соотвѣт-

---

1) Терминъ «интродекція» введенъ Авенаріусомъ, который ученію объ интродекціи посвятилъ свою замѣчательную работу „Der menschliche Weltbegriff“. Тамъ дана и общая исторія интродекціи (съ точки зрѣнія скорѣе логическаго, чѣмъ культурно-историческаго ея развитія), и ея общая критика (выясненіе логическихъ противорѣчій интродекціи, обнаруживающихъ ея философскую несостоятельность).

Въ современномъ мышленіи интродекціи принадлежитъ безусловное господство. Въ обыденной психологіи она выражается въ признаніи „тѣла“ внѣшней оболочкой „души“, какъ внутренней сущности. Въ психологической наукѣ и въ философіи она сказывается въ представленіи о „внѣшнихъ чувствахъ“, которыми воспринимается физическій міръ, и „внутреннемъ чувствѣ“, которымъ воспринимается міръ психическій. Физиологическій организмъ представляется какъ бы ящикомъ съ непрозрачными стѣнками, внутри котораго помѣщается „психика“.

Основное соображеніе, опровергающее интродекцію, таково. Самъ организмъ есть опредѣленный комплексъ зрительныхъ, тактильныхъ и т. под. элементовъ въ ихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ, и „внутри“ этого комплекса можно помѣщать только однородные съ нимъ, но меньшіе комплексы: органы, ткани, волокна, клѣтки; а помѣщать тамъ комплексы элементовъ иного типа, неоднородные съ первымъ, не имѣть смысла: это все равно, что помѣщать мелодію, воспринимаемую слухомъ, внутри музыкальнаго инструмента, воспринимаемаго зрѣніемъ и осязаніемъ. Пространственныя отношенія сами по себѣ суть *зрительно-тактильныя*, и потому нельзя комплексы иного, не зрительно-тактильнаго типа, ставить въ чисто пространственныя отношенія „внутри“ и „внѣ“.

ственными членами обоихъ рядовъ; а понимать параллелизмъ въ какомъ-либо иномъ, болѣе тѣсномъ смыслѣ, въ родѣ, напр., геометрическаго параллелизма, конечно не приходится, потому что явленія обоихъ рядовъ недостаточно сходны для того, чтобы допускать возможность такого параллелизма, какъ параллелизмъ однородныхъ линій или поверхностей.

Терминъ «психо-физическій параллелизмъ» употребляется и у Маха, но уже въ иномъ значеніи, когда онъ говоритъ о повтореніи однихъ и тѣхъ же комплексовъ въ сферѣ физическаго и въ сферѣ психическаго: то, что въ связи физическаго опыта является, какъ «тѣло», становится «воспріятіемъ» или «представленіемъ» въ связи психическаго опыта. Но этотъ параллелизмъ или, вѣрнѣе, это тожество не стоитъ ни въ какомъ противорѣчій съ тѣмъ психо-физическимъ параллелизмомъ, о которомъ у насъ теперь идетъ дѣло, и относится къ совершенно иной области отношеній—не къ болѣе узкому отношенію между индивидуальнымъ сознаниемъ и нервной системой, а къ болѣе широкому отношенію между индивидуальнымъ сознаниемъ и физическимъ міромъ вообще. Для насъ же важно въ данный моментъ лишь первое изъ этихъ отношеній.

Если мы припомнимъ то, что говорилось раньше о параллелизмѣ рядовъ опыта, образующихъ «тѣла» или «процессы» физическаго міра, то сразу увидимъ, что психо-физическій параллелизмъ относится безусловно къ тому же типу. Въ самомъ дѣлѣ, физическое «тѣло» или «процессъ» образуется путемъ органическаго сліянія различныхъ рядовъ опыта — различныхъ именно *по элементамъ*. Рядъ зрительный, тактильный, акустическій объединяются въ одинъ комплексъ, называемый хотя бы «человѣческое тѣло»; и основой этого объединенія является именно *параллелизмъ* этихъ рядовъ, т.-е. опредѣленное соотвѣтствіе между элементами одного и элементами другого, третьяго ряда. Различіе между самыми рядами не количественное, а *качественное*, т.-е. ихъ элементы абсолютно несводимы одни къ другимъ; но на основѣ взаимнаго параллелизма всѣ они объединяются вокругъ одного (обыкновенно тактильнаго) ряда въ цѣлостный комплексъ, съ которымъ и оперируетъ познаніе.

Совершенно таково же по существу отношеніе рядовъ психическаго и нервно-физиологическаго въ занимающемъ насъ вопросѣ: они *качественно различны по элементамъ, но связаны па-*

параллелизмъ, при чемъ параллелизмъ такой же, какъ, напр., между зрительнымъ и тактильнымъ рядомъ въ комплексѣ, называемомъ «человѣческой организмъ»: это строго опредѣленное функциональное соотношеніе между рядами, но отнюдь не прямое количественное и качественное соотвѣтствіе. Имѣется опредѣленное воспріятіе, эмоція, стремленіе; это — комплексъ такихъ-то и такихъ-то иннервационныхъ, тактильных, зрительныхъ, слуховыхъ и т. д. элементовъ. Соотвѣтственно такому «психическому» явленію мы, если возможно, наблюдаемъ, если не удастся, представляемъ себѣ нѣкоторый опредѣленный «физиологическій процессъ»; это — комплексъ совершенно иныхъ элементовъ, тоже зрительныхъ, тактильных и т. д., но отнюдь не тѣхъ, какіе образуютъ «психическій» комплексъ. Если, напр., въ воспріятіи имѣются элементы «зеленаго», то ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобы въ соотвѣтственномъ «физиологическомъ фактѣ» имѣлись такіе же элементы «зеленаго»; ихъ можетъ даже совсѣмъ не быть въ нашемъ представленіи нервныхъ процессовъ, а могутъ быть, напр., изъ цвѣтовыхъ элементовъ только «бѣлое», «черное», «красное». Рядъ физиологическій, при всемъ своемъ соотвѣтствіи съ рядомъ психическимъ, оказывается состоящимъ изъ совершенно иного матеріала, точно такъ же, какъ въ любомъ «физическомъ тѣлѣ» рядъ зрительно-иннервационный состоитъ изъ иного матеріала, чѣмъ тактильно-иннервационный, и т. под.

Изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать такой выводъ. Если познаніе въ своемъ стремленіи гармонизировать опытъ будетъ послѣдовательнымъ и вѣрнымъ своему уже выработанному методу, то оно должно связать психическій и нервно-физиологическій рядъ въ одинъ «процессъ», различно воспринимаемый, но цѣлостный, не психическій и не физиологическій, но психо-физиологическій, какъ человѣческое тѣло не есть комплексъ зрительный или тактильный, но зрительно-тактильный. Для познанія и здѣсь и тамъ дѣло должно итти о цѣлостныхъ комплексахъ, которые не даны ему непосредственно, но образованы имъ изъ многообразія элементовъ опыта; разница только въ томъ, что по отношенію къ физическимъ комплексамъ эта задача уже давно выполнена въ исторіи человѣчества, а по отношенію къ психо-физиологическимъ ее еще надо выполнить.

Именно такая активно-организующая дѣятельность познанія

способна, по нашему мнѣнію, устранить дуалистическія противорѣчія и привести къ дѣйствительной гармоніи міровозрѣнія. Это не будетъ монизмъ «сущности» или «реальности»—такія безсодержательныя понятія не могутъ удовлетворить критически-монистическаго мышленія; это будетъ монизмъ типа организаци, по которому систематизируется опытъ, монизмъ познавательнаго метода. Посмотримъ, въ самомъ дѣлѣ, что даетъ онъ познающему въ его стремленіи достигнуть единства міропониманія.

Познаніе физическаго міра уже въ наше время по своему методу въ высокой степени монистично. Физическія явленія, при всей своей безконечной сложности и разнообразіи, уложены въ рамки всеохватывающихъ формулъ, приобретающихъ шагъ за шагомъ все болѣе опредѣленное содержаніе, все полнѣе гармонизирующихъ опытъ, дающихъ все больше возможности практическаго предвидѣнія и приспособленія. При этомъ для такихъ формулъ, особенно для основной изъ нихъ—закона сохранения энергіи, не имѣютъ уже прямого значенія непосредственные элементы опыта въ ихъ смѣнѣ и различіяхъ: одно и то же «тѣло» или «процессъ», воспринимаются ли они въ зрительныхъ или тактильных или акустическихъ рядахъ, представляютъ однѣ и тѣ же энергетическія величины и комбинаціи. Познаніе отвлекается отъ способовъ непосредственнаго воспріятія, и на мѣсто міра «элементовъ» въ немъ выступаетъ міръ *отношеній*. Въ этомъ мірѣ стройность достигается путемъ цѣлесообразной группировки комплексовъ—ихъ разграниченій и соединеній соответственно требованіямъ наименьшихъ противорѣчій и наибольшей гармоніи;—самыя же группировки выполняются и фиксируются при помощи символовъ, выработка и подборъ которыхъ происходятъ въ социальномъ процессѣ общенія. На этотъ процессъ общенія опирается все коллективное научное и философское творчество.

То же, что дѣлаетъ познаніе по отношенію къ физическому опыту, стремится оно выполнить и по отношенію къ опыту психическому. Но здѣсь оно наталкивается на массу особенныхъ трудностей и противорѣчій, которыя не удастся устранить до тѣхъ поръ, пока познаніе въ этой области идетъ не тѣмъ путемъ, какимъ шло въ другой области опыта. Эти трудности и противорѣчія резюмируются, въ концѣ концовъ, однимъ словомъ «дуализмъ», а сущность ихъ заключается въ томъ, что тѣ раз-

личные методы, которыми оперируетъ познаніе въ обѣихъ областяхъ опыта, неминуемо то и дѣло встрѣчаются въ одномъ полѣ сознанія, и создаютъ раздвоеніе психической дѣятельности, которое ощущается, какъ познавательная неприспособленность, какъ дисгармонія мысли. Когда же психическое выступаетъ для познанія, какъ одинъ изъ параллельныхъ рядовъ комплекса, въ которомъ другіе ряды—зрительный, тактильный—способны образовать «физическое тѣло» (нервную систему), тогда дисгармонія исчезаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, познанію не приходится создавать особаго метода для каждаго изъ параллельныхъ рядовъ, сливающихся въ томъ или иномъ комплексѣ—оно имѣетъ дѣло съ цѣлыми комплексами. Психо-физиологическій процессъ, познаваемый какъ одно цѣлое, долженъ укладываться въ рамки того же метода, какимъ познается созданный изъ нѣкоторыхъ его рядовъ процессъ физиологическій—метода наукъ о физическомъ, для нашего времени—метода *энергетики*. При этомъ совершенно безразлично, будемъ ли мы брать для анализа элементы изъ ряда «физиологическаго», или изъ ряда «психическаго», каждый разъ дѣло будетъ итти объ одной и той же энергетической величинѣ, потому что энергетическое познаніе отвлекается отъ способа воспріятія, а не беретъ, напр., рядъ зрительный и рядъ тактильный, какъ отдѣльные энергетическіе комплексы. Какъ въ обычномъ физическомъ комплексѣ, который называется «тѣломъ», одинъ изъ рядовъ опыта является организующимъ для другихъ, напр., рядъ тактильный, такъ въ комплексѣ психо-физиологическомъ одинъ изъ его рядовъ окажется организующимъ, основнымъ для познанія, и мы полагаемъ, что такимъ будетъ именно рядъ физиологическій, какъ болѣе опредѣленный, болѣе устойчивый въ своихъ отношеніяхъ. Но это различіе и здѣсь такъ же несущественно для познанія, какъ въ физическомъ комплексѣ различіе организующаго тактильнаго, и группирующихся около него зрительнаго, акустическаго и т. д. рядовъ. Одно и то же познавательное цѣлое—психо-физиологическій процессъ—можетъ восприниматься различными способами, но для познанія остается однимъ и тѣмъ же. Различія *элементовъ* исчезаютъ въ единствѣ *отношеній*, и цѣльность познанія восстанавливается.

Но при этомъ теряетъ свой смыслъ и самое противопоставленіе «физическаго» и «психическаго». Опытъ организованный

индивидуально входитъ въ систему опыта организованнаго соціально, какъ его нераздѣльная часть, и перестаетъ составлять особый міръ для познанія. «Психическое» исчезаетъ въ объединяющихъ формахъ, созданныхъ познаніемъ для «физическаго», но и физическое перестаетъ быть «физическимъ», какъ только у него нѣтъ его постоянной антитезы—психическаго. Единный міръ опыта выступаетъ, какъ содержаніе для единого познанія. Это—эмпириомонизмъ.

Эмпириомонизмъ возможенъ только потому, что познаніе активно гармонизируетъ опытъ, устраняя его безчисленныя противорѣчія, создавая для него всеобщія организующія формы, замѣняя первичный хаотическій міръ элементовъ производнымъ, упорядоченнымъ міромъ отношеній. Можно, разумѣется, допустить, что эмпириомонизмъ осуществится не въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы его представляемъ; но онъ долженъ осуществиться, а его невозможность означала бы конечную несостоятельность познанія.

Было бы неправильно думать, что, придя къ схемѣ эмпириомонизма, мы достигли монистическаго міросозерцанія. Эта схема формулируетъ высшую познавательную тенденцію; но цѣльное міросозерцаніе можетъ получиться лишь путемъ систематическаго проведенія этой тенденціи. Познавательная картина міра не дается въ одной формулѣ—это организованная система наукъ и философіи; монистическая же схема есть лишь гармонизирующій принципъ этой картины, и нужна громадная работа, чтобы провести этотъ принципъ во всѣхъ частяхъ картины, а пока этого не сдѣлано, пока остаются частности, не подчиняющіяся гармонизирующей схемѣ, ей противорѣчащія или просто не проникнутыя ею, до тѣхъ поръ нельзя говорить о настоящемъ эмпириомонизмѣ.

Принимая во вниманіе колоссальную массу коллективнаго труда, которую положило человѣчество на выработку системы наукъ и философіи, и долгій періодъ времени, въ теченіе котораго активно обнаруживалась тенденція къ познавательному монизму, естественно поставить вопросъ: почему же до сихъ поръ монизмъ этотъ, несмотря на все, не успѣлъ сложиться? Почему даже схема его такъ долго не могла быть отчетливо формулирована?

Можно было бы, конечно, не останавливаться на этомъ во-

просѣ, а просто принять, что гармонизація опыта дѣло настолько сложное и трудное, что, несмотря на массу затраченного времени и энергіи, человѣчество выполнило пока только часть его, — и этимъ удовлетвориться. Но намъ кажется, что есть основанія отмѣтить нѣкоторыя спеціальныя препятствія, которыя именно въ наше время ставятъ границу монистической тенденціи. Это позволить намъ сдѣлать и нѣкоторыя приблизительныя заключенія о дальнѣйшемъ развитіи познанія въ этомъ направленіи.

Современное общество раздроблено на классы и полно антагонизма. Люди, принадлежащіе къ одной социальной системѣ, часто очень сильно отличаются другъ отъ друга, и рѣзко сталкиваются въ жизни на почвѣ различія интересовъ. Конкуренція съ одной стороны, отношенія раздѣленія труда и особенно господства и подчиненія съ другой, окрашиваютъ собою всю социальную жизнь нашего времени. Эти господствующія формы жизни не могутъ не наложить своего отпечатка и на область познанія.

Сущность дѣла заключается въ томъ, что человѣкъ практически и познавательно противопоставляется другому человѣку. Практически—ихъ стремленія сталкиваются въ борьбѣ интересовъ, какъ той, которая ведется въ видѣ конкуренціи между представителями одного класса или группы, такъ и въ той, которая идетъ между классами или группами. Теоретически—они не понимаютъ другъ друга, какъ люди различного опыта и различныхъ типовъ мышленія. И борьба и непониманіе далеко не охватываютъ всей жизни людей, а существуютъ лишь въ ограниченныхъ предѣлахъ, рядомъ съ сотрудничествомъ и взаимнымъ пониманіемъ, также частичными; но поскольку они существуютъ, постольку монистическая организація опыта наталкивается на величайшія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ борется съ другимъ, онъ не можетъ съ достаточной полнотой передавать ему свой опытъ; какъ извѣстно, дѣло доходитъ до того, что человѣкъ въ борьбѣ часто принужденъ скрывать свои переживанія, или даже извращенно передавать ихъ; отсюда столько «лжи» въ современномъ обществѣ, лжи зачастую необходимой, интегрально входящей въ самую систему отношеній. Уже этого достаточно для взаимнаго непониманія; но раздѣленіе труда дѣлаетъ сферу этого непониманія еще шире, чѣмъ сфера борьбы. Специалистъ не пони-

маеть спеціаліста, поскільки матеріаль ихъ опыта различень (напр., художникъ не понимаетъ ученаго, филологъ—естественника и т. п.), подчиняющійся не понимаетъ господствующаго, и наоборотъ, поскільки различень не только матеріаль ихъ переживаній, но и ихъ фактическое отношеніе къ однимъ и тѣмъ же даннымъ опыта (напр., что для одного—орудіе труда, то для другого—орудіе експлоатаціи и т. под.). Но что означаетъ «непониманіе»?

Оно означаетъ, что доступныя намъ (путемъ соціального общенія) переживанія другихъ людей не укладываются въ законмѣрность нашего опыта,—мы не можемъ поэтому правильно оцѣнивать ихъ психическія состоянія и предвидѣть ихъ дѣйствія. И очевидно, поскільки опытъ однихъ людей лежитъ внѣ законмѣрности, т.-е. организованности, для другихъ людей, постольку онъ необходимо является соціально неорганизованнымъ, или «субъективнымъ», или «психическимъ». Напротивъ, та часть опыта, для которой выработалась въ соціальномъ процессѣ общая, точнѣе—общезначимая законмѣрность, та часть выступаетъ какъ соціально-организованная, съ атрибутомъ «объективности», съ характеристикой «физическаго». Здѣсь исходная точка антитезы, здѣсь же и базисъ для опредѣленія ея историческихъ границъ.

Замѣтимъ, что въ нашемъ опытѣ «психическимъ» являются по преимуществу тѣ его стороны, для которыхъ всего меньше достигается соціальное единство: эмоціи людей и ихъ стремленія наиболѣе рѣзко расходятся въ жизни, и именно эти комплексы элементовъ никогда не находятъ себѣ мѣста въ физическомъ ряду, тогда какъ другіе комплексы, находящіеся у различныхъ людей въ менѣе противорѣчивыхъ отношеніяхъ, выступаютъ то въ психическомъ ряду, какъ «воспріятія» или «представленія», то въ физическомъ, какъ «тѣла». Стало быть, психическое тѣмъ въ большей мѣрѣ оказывается «психическимъ», чѣмъ болѣе оно индивидуально по своему характеру. Замѣтимъ, что въ наивномъ, неразвитомъ сознаніи нерѣдко и эмоціи «объективируются», переносятся въ физическій міръ; напр., красота, безобразіе, пріятность и т. под. считаются свойствами самихъ предметовъ (а не явленіями воспринимающаго сознанія). Это бываетъ именно тогда, когда эмоціональныя высказыванія людей настолько сходятся, такъ мало противорѣчатъ одни другимъ въ массѣ случаевъ даннаго рода, что люди привыкають считать эти эмоціи *общезначимыми*,

соціально согласованными, что и лежитъ, согласно нашей точкѣ зрѣнія, въ основѣ характеристики «объективнаго» или «физическаго» опыта.

Организующій центръ для всего психическаго представляетъ индивидуальное «я», противопологающееся другимъ «я». Когда «я» исчезаетъ изъ поля сознанія, прекращается и антитеза психическаго съ физическимъ. А это бываетъ не только въ моменты потери сознанія, но и въ моменты наивысшей его дѣятельности. Какъ отмѣчалъ еще Шопенгауэръ, глубокой эстетическій эффектъ устраняетъ «индивидуацію», т.-е. противопоставленіе нашего «я» внѣшнему міру, и психическаго физическому: въ восторженномъ созерцаніи прекрасной картины природы или истинно-художественнаго произведенія мы перестаемъ чувствовать раздвоеніе въ нашемъ опытѣ. Но то же относится и къ моментамъ познавательнаго творчества, и къ моментамъ напряженнаго проявленія коллективной воли: человѣкъ «забываетъ себя», и тогда его переживанія наиболѣе гармоничны.

Приспособленіе, называемое «я», выступаетъ всего ярче тамъ, гдѣ въ опытѣ обнаруживается дисгармонія, — дисгармонія, подрывающая индивидуальное существованіе: это бываетъ тогда, когда мы чувствуемъ голодъ, холодъ, страхъ, тоску, неудовлетворенность... Это — приспособленіе для *индивидуальной* борьбы за жизнь, и потому только въ *индивидуалистическомъ* обществѣ, каково современное, оно для каждой личности становится центромъ опыта, рѣзко отдѣляющимъ ея «психическій міръ» отъ психическаго міра другихъ людей. Не такъ было въ первобытномъ обществѣ, съ его коммунизмомъ, съ его отсутствіемъ внутренней борьбы и противорѣчій. Тамъ человѣкъ не умѣлъ отдѣлять себя отъ своей группы; его опытъ непосредственно сливался съ опытомъ другихъ людей, слово «я» обозначало для него собственное тѣло съ его непосредственными потребностями, но вовсе не комплексъ эмоцій и стремленій, рѣзко отграниченныхъ отъ эмоцій и стремленій другихъ людей, какъ это бываетъ въ современномъ обществѣ. Въ обществѣ высшаго типа, съ коллективно-организованнымъ трудомъ, съ устраненными внутренними противорѣчіями и рѣзкими различіями особей, человѣческое «я» такъ же мало могло бы послужить центромъ особаго міра — міра индивидуально-психическаго: въ тѣсномъ взаимномъ общеніи, въ глубокомъ взаимномъ пониманіи людей исчезла бы всякая склонность

противопологать свою «психику» психикѣ другихъ людей; и гармонически организованный коллективный опытъ далъ бы людямъ такую грандіозную полноту жизни, о которой мы, люди эпохи противорѣчій, не можемъ составить себѣ понятія.

Въ этомъ мірѣ и для познанія легко будетъ объединить всю сумму человѣческихъ переживаній въ гармонически-цѣлостныя, бесконечно-пластичныя формы, въ которыхъ опытъ каждаго органически сольется съ опытомъ всѣхъ. И тамъ будутъ, конечно, противорѣчія въ опытѣ и въ познаніи; но это не будутъ безысходныя противорѣчія окаменѣлыхъ фетишей мысли, не допускающихъ никакой инстанціи надъ собою, а временныя разногласія творческаго мышленія людей, сознательно стремящихся согласовать и свести къ единству свои переживанія, людей, сознательно отыскивающихъ наилучшія, наиболѣе цѣлесообразныя формы для такого согласованія и единства. Свободное стремленіе къ социальной гармоніи познанія вмѣстѣ съ глубокой увѣренностью въ возможности и необходимости ея достиженія будетъ постоянно господствовать надъ всѣми проявленіями личнаго сознанія. Освобожденная отъ внутренняго разлада человѣческая мысль, ничѣмъ не затемненная, чистая и ясная, будетъ съ недоступной нашему воображенію энергіей прокладывать себѣ путь въ бесконечность. Тамъ будетъ достигнуто истинный эмпириомонизмъ, который представляется намъ идеаломъ познанія.

Если мы сравнимъ этотъ идеаль познанія съ современнымъ идеаломъ практически-трудовой жизни людей, то намъ въ глаза бросится ихъ глубокий внутренній параллелизмъ, общая тому и другому всеохватывающая организующая тенденція. Это не случайное сходство: изъ практики возникаетъ познаніе; гармонія практики и гармонія познанія имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ.

А. Богдановъ.
